

Илья Борисович Шатуновский

Проблемы русского вида

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=454545

Проблемы русского вида. : Языки славянских культур; Москва; 2009

ISBN 978-5-9551-0357-0

Аннотация

В монографии представлено целостное семантико-прагматическое описание категории вида – философски и прагматически наиболее значимой категории русской грамматики, отражающей наиболее кардинальные аспекты устройства мира и его отражения и интерпретации в уме человека, говорящего и мыслящего на русском языке. Особое внимание уделено выявлению и описанию инвариантных (прототипических) значений совершенного и несовершенного видов и их мотивационных связей с частными значениями видов. Рассмотрены во взаимной связи и обусловленности все основные значения и типизированные употребления совершенного и несовершенного видов, составляющие в совокупности видовую систему, исследована взаимосвязь и взаимная обусловленность всех основных содержательных аспектов видовых форм: собственно семантики, прагматики, функции в дискурсе, коммуникативной функции, актуального членения (коммуникативной перспективы) и референции видовых форм, включающих их глагольных групп и высказываний в целом.

Содержание

Введение	4
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Илья Борисович Шатуновский

Проблемы русского вида

Введение

1. Вступление. Проблемам русского вида посвящено огромное количество работ, и это неудивительно. Категория вида – это центральная, системообразующая категория русской грамматики, чрезвычайно сложная, иерархически построенная, с огромным количеством аспектуально значимых категорий различного объема и уровня, одной стороной погруженная в грамматику, с ее строгим порядком и гармонией, а с другой – в лексику [Плунгян 2000: 293–294; Перцов 2001, 6.2.3], с ее относительным хаосом, и через все более мелкие и дробные аспектуальные группы и особенности отдельных лексем растворяющаяся в ней. Хаос, царящий в этой области, усугубляется тем, что область вида находится в настоящее время в процессе чрезвычайно быстрых, по историческим меркам, и при этом противоположно направленных изменений. Это, с одной стороны, всё возрастающая продуктивность вторичных имперфективов [Ремчукова 2004], специализирующихся в большей мере на выражении повторяющихся, кратных действий [Апресян 1995: 112], так что сквозь двухчленную категорию начинает брезжить формирующаяся трехчленная. С другой стороны – все новые и новые вливания заимствуемых из языков средневропейского стандарта двувидовых, то есть фактически лишенных категории вида, глаголов, постепенно «перевариваемых» системой, причем неизвестно, что идет с большей скоростью: переваривание или вливание. Категория вида – это также философски наиболее значимая категория русской грамматики, поскольку она отражает наиболее кардинальные аспекты устройства мира и его отражения и интерпретации в уме человека. Картина мира в русском языке представлена прежде всего через призму видовой системы. Это также категория, в наибольшей степени связанная с жизнью и деятельностью человека, устройство которой невозможно понять вне связи с прагматикой ее употребления. И чем дальше продвигаются исследования вида, тем больше открывается новых проблем, которые и не снились тем, кто стоял у истоков его изучения. Это можно сравнить с подъемом на гору, образованную нашими знаниями: чем больше мы знаем, чем выше мы поднимаемся, тем дальше раздвигается горизонт неведомого и, в конечном счете, непостижимого. Но это не является основанием отказаться от подъема.

2. Маркированность. В бинарной оппозиции совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида, если взять ее в целом, с семантико-функциональной, не формальной, точки зрения маркированным членом (в целом ряде отношений) является СВ [см. Маслов 1984: 72; Бондарко 1971: 20; Forsyth 1970: 6; и др.]. Прежде всего, СВ обладает узким, четким и фактически одним (единым) значением [Маслов 1984: 73], в отличие от НСВ, выражающего целый ряд весьма различных, хотя и связанных друг с другом, значений¹. «Как «экстенсивный» член видового противопоставления НСВ обладает более широким семантическим спектром и соответственно – тремя более или менее равноценными центральными значениями, причем в каждом значении есть еще дополнительные варианты» [Маслов 1984: 73]. Этот факт затушевывается в существующих описаниях тем, что у СВ, как и у НСВ, также выделяется ряд «частных значений» (конкретно-фактическое, перфектное, суммарное, потенциальное, условное и т. д.). Однако степень «выделенности», весомости различных значений СВ несоизмерима с различиями в значениях НСВ; в случае НСВ часто нелегко

¹ В отличие от СВ, отмечает М. Я. Гловинская, у несовершенного вида «есть не одно, а несколько периферийных значений, учитываемых аспектологией» [1982: 14].

увидеть связь между значениями, и само наличие этой связи в ряде случаев дискуссионно [Гловинская 1982: 14]; в то же время в случае СВ собственно значение видовой формы во всех употреблениях остается неизменным [Маслов 1984: 73], и различия между различными «значениями» (здесь лучше сказать «типами употребления») СВ сводятся к разнице в актуальном членении (коммуникативной перспективе) этого единого значения или наличию каких-то внешних контекстуальных или ситуативных факторов, извне добавляющих нечто в общее значение высказывания. Казалось бы, это облегчает задачу практического изучения видов: достаточно научиться употреблению узкого, четкого СВ и употреблять для выражения остальных значений НСВ. Ситуация, однако, осложняется тем, что, тем не менее, надо еще знать, каковы эти «остальные значения», выражаемые НСВ; ведь НСВ не выражает всё на свете. Типовые грамматические значения в разных языках не совпадают, поэтому без изучения и описания значений НСВ не обойтись.

Маркирован СВ и в том отношении, что он в едином значении, в одном и том же употреблении имеет все признаки, связанные в жесткий взаимообусловленный «пучок», по которым он противопоставлен НСВ: это (забегая вперед и упрощая) то, что он обозначает (1) единичное (2) определенное [Leinonen 1982, 3.5; Dickey 2000: 19–23; 2006: 15; Падучева 1996: 87; и др.] (3) событие (=переход из одного положения вещей в другое) [см. Маслов 1984: 72–73; ср. Падучева 1996: 87], в то время как значения НСВ «разведены» по разным употреблениям и контекстам.

Наконец, СВ маркирован также в том отношении, что его значение чрезвычайно «прочно», жестко, оно практически не поддается воздействию ситуации и контекста. В то же время значение и значения НСВ чрезвычайно восприимчивы к воздействию прагматических, ситуативных, контекстуальных лексических и грамматических факторов. Значение НСВ изменчиво, оно приспосабливается к контексту, поэтому значения НСВ более «размыты», диффузны, включают много типов, подтипов и переходных случаев.

3. Вопрос о видовой парности. Внутри гнезда однокоренных глаголов среди глаголов, соотносительных по виду, выделяются пары, связанные более тесными отношениями – видовые, или чистовидовые пары. В качестве критерия выделения чистовидовых пар часто рассматривается тождество лексических значений: «Видовая пара – это пара лексически тождественных глаголов сов. и несов. вида, различающихся между собой только грамматической семантикой вида» [Русская грамматика 1980, т. I, § 1387; см. также Грамматика русского языка 1952, § 688; Тихонов 1998: 10; Гуревич 1998: 25; Маслов 1984: 53; Шелякин 1983; и мн. др.]. Если принимать это определение буквально, большинство глаголов окажутся непарными, и сама идея парности потеряет всякий смысл. Ведь вид в целом номинативная (отражающая объективную действительность), семантически наполненная категория, поэтому парными окажутся только некоторые глаголы СВ и НСВ в значениях, в которых последние выступают в позициях нейтрализации видового противопоставления (конкуренции видов в широком смысле) – в наст. историческом, в некоторых общефактических употреблениях и в некоторых других случаях, да и то при условии, что мы не будем рассматривать их значения слишком пристально. Как отмечает М. Я. Гловинская, «конкурирующие» в таких случаях «значения, как бы близки они ни были друг другу, не являются полностью синонимичными» [2001: 149]. (Поэтому лучше говорить осторожнее – о значительной семантической общности соотносительных по виду глаголов [Зализняк, Шмелев 2000: 45].) Поэтому определение парности часто трансформируется таким образом, что в качестве ее критерия принимается тождество лексических значений за вычетом собственно видовых значений СВ и НСВ соответственно. Так, авторы «Русской грамматики» 1980 г. в примечании переходят на эти позиции: «В дальнейшем изложении под ««тождеством лексических значений» глаголов, входящих в видовую пару, понимается тождество всех их семантических компонентов, кроме значения вида» (§ 1387). Однако здесь мы сразу же упираемся в

вопрос, каково же то «видовое» или «чистовидовое значение», которым различаются видовые пары. Кроме того, разные частные значения НСВ по-разному тождественны СВ. Ср. значения актуально-длительного предельного НСВ (*наливает, открывает* «находится в процессе открывания») и событийного (настоящего динамического) НСВ (*открывает бутылку, наливает воду в стакан*) с значением СВ *открыл, налил*. Во втором случае очевидно «более тождественно». Проблема в том, что вид в русском языке – размытая, недостаточно грамматикализованная категория, весьма неоднородная в формальном и семантико-функциональном отношении. Существует много различных типов противопоставлений СВ и НСВ (к этому очевидному факту привлек внимание Ю. С. Маслов [Маслов 1984]); собственно, любая сколько-нибудь обобщающая и при этом не совершенно абстрактная работа по виду содержит описание различных типов видовых противопоставлений, см., например, [Маслов 1984; Авилова 1976; Гловинская 1982; 2001; Падучева 1996; и др.]. Так какое / какие из них и почему являются чисто видовыми? Заметим сразу, что как только мы соглашаемся с тем, что существует много различных типов противопоставлений СВ и НСВ (а не согласиться с этим невозможно), то поиски чистовидовой пары или пар вообще (для глаголов в целом, как лексем) сразу теряют всякий смысл. Непонятно, для чего тогда нужно в теории иметь чистовидовые пары. Для того, чтобы исключить все другие из рассмотрения? Но от этого они никуда из языка не исчезнут. Собственно, единственным универсальным критерием грамматичности является распространенность, регулярность и стандартность тех или иных формально-семантических противопоставлений. Чем более регулярно противопоставление, тем более оно грамматично². В виде все недостаточно регулярно (оттого-то он так труден для изучения), в нем много разных групп, противопоставлений, соотношений, по разным параметрам и аспектам, в разных комбинациях друг с другом, одни более регулярные и стандартизованные, другие менее регулярные и стандартные. В области вида (как и везде в языке, но в области русского вида особенно) грамматичность – это вопрос степени. Любое проведение границ здесь будет произвольно и условно. Поэтому не стоит делать теоретическую проблему из проведения границ, в принципе необходимо изучать и учитывать всё. На практике, конечно, исследуются и в данной работе будут исследоваться прежде всего наиболее регулярные и распространенные формально-семантические соотношения и противопоставления, однако не по каким-либо принципиальным теоретическим соображениям, а по чисто прагматическим причинам ограничений времени и места и наибольшей важности для описания системы языка и его практического изучения распространенных, регулярных противопоставлений. Наиболее регулярным и распространенным является соотношение по признаку однократность (СВ) – неоднократность (многократность) (НСВ), называемое Е. В. Падучевой [1996: 89] и вслед за ней в [Зализняк, Шмелев 2000: 46] «тривиальным» (*посетить* – *посещать*)³ (противопоставление в плане «количественной аспектуальности» [Плунгян 2000: 294–296]). Чрезвычайно распространенным и регулярным, хотя и охватывающим меньшее число пар, чем соотношение по признаку однократности – многократности, является противопоставление СВ, обозначающего «событие»⁴, включающего некоторую однородную, длящуюся фазу, и НСВ, обозначающего эту фазу в

² Так, в последние годы все большее распространение получает трактовка в качестве видовой пары соотношения «НСВ – ограничительный (делимитативный) СВ» (*читать* – *почитать*) [Черткова 1996; Петрухина 2000: 187–190; Dickey 2006; и др.] при том, что единственным изменением, которое произошло с момента, когда они не считались парой, – это все возрастающая буквально по годам продуктивность образования делимитативных глаголов и, соответственно, регулярность этого соотношения.

³ *Тривиальным* это соотношение и многократное значение НСВ названо на том основании, что оно «есть у всех глаголов НСВ, входящих в видовую пару» [Падучева 1996: 89]. Заметим, что здесь есть круг, поскольку в качестве критерия видовой парности глаголов СВ и НСВ в работе рассматривается наличие между ними данного соотношения (там же).

⁴ Мы будем употреблять термин «событие» как (весьма неточный) «ярлык», указывающий на инвариантное значение СВ; более подробное рассмотрение инвариантного значения СВ и этого термина см. далее.

ее «протекании» (противопоставление в плане «линейной аспектуальности» [Плунгян 2000: 296–303]). Оно также является наиболее лингвоспецифичным и в этом смысле наиболее «нетривиальным» и поэтому наиболее практически важным и теоретически интересным. Кроме того, когда говорят об инварианте видового противопоставления, имеют в виду и исследуют именно это противопоставление. Ср. замечание А. В. Бондарко: «В русском и других славянских языках лимитативность занимает центральное положение среди других аспектуальных полей» [Теория 1987: 53]. Традиционно именно это соотношение принимается как основа парности по виду. Здесь, в свою очередь, существуют разные типы (подтипы) этого противопоставления [Авилова 1976; Гловинская 2001; 1982; и др.], весьма регулярные, менее регулярные и совсем нерегулярные, наблюдающиеся в отдельных парах лексем, – нетривиальные, см. [Булыгина, Шмелев 1997: 151–166]). При этом в сколько-нибудь полном описании в ряду типов (подтипов) этого противопоставления необходимо учитывать весьма регулярные, распространенные и демонстрирующие возрастающую продуктивность противопоставления «НСВ – начинательные СВ» и «НСВ – ограничительные СВ». Весьма регулярными и (поэтому) важными являются противопоставления конкретно-фактического СВ и общефактического НСВ, СВ и НСВ настоящего исторического (точнее говоря, НСВ более общего типа, который мы будем называть настоящим динамическим, разновидностью которого являются настоящее историческое, настоящее репортажное и т. д.). (Другие типы противопоставлений уже существенно менее регулярны.) Для интуитивного ощущения видовой парности важным также является совмещение различных типов видовых противопоставлений (частных значений) в одном формальном противопоставлении. Как отмечает Е. В. Падучева, традиционно, «хотя, быть может, и не вполне осознанно, для глаголов, входящих в семантическое отношение «процесс в развитии – процесс, достигший предела», видовая соотнесенность признается в том случае, если эти глаголы могут функционировать и как тривиальная пара» [1996: 89]. Чем в большем числе грамматических частных значений НСВ соотносительны формы СВ и НСВ, тем в большей степени (и именно в этом совершенно ясном смысле) они являются парами и ощущаются как «пары» (например, *открыть* – *открывать* противопоставляются в значениях «действие – событие (результат этого действия)», «однократное – неоднократное (многократное) событие», «единичное определенное действие – неопределенное действие (общефактическое значение НСВ)», «событие в прошлом – событие, протекающее в настоящем (наст. динамическое НСВ)». Поэтому они в большей степени «пара», чем *начать* – *начинать*, в которой С В противопоставлен настоящему динамическому НСВ и многократному НСВ или *лечить* – *вылечить*, соотносительные только в одном регулярном противопоставлении: «действие – событие, произошедшее в результате этого действия»; «тривиальное» противопоставление единичного – многократного «события» выражается здесь другой парой: *вылечить* – *вылечивать*. Однако нет никакого смысла на этом основании не считать *лечить* – *вылечить* видовой парой: в любом случае, как ее ни назови, соотношение здесь такое же, как в паре *открывать* – *открыть* (например, окно), с тем экстралингвистическим отличием, что результат в последнем случае обычно достигается гораздо проще и чаще, чем в ситуациях, обозначаемых парой *лечить* – *вылечить*.

При этом один и тот же глагол может входить в разные видовые противопоставления и образовывать разные пары с разными глаголами [Падучева 1996: 88–89]. Так, актуально-длительное (но состоящее из многих актов, многоактное) НСВ *стучать* с одной стороны противопоставлено однократному СВ *стукнуть*, а с другой стороны – ограничительному СВ *постучать*; только с ограничительным СВ соотносительны НСВ в общефактическом значении: *Давай ещё постучим*, – *предложил Матвей*, – *Лариса в долг одну даст*. – *Стучали уже*, – *ответил Семен* (В. Пелевин. Музыка со столба).

В последние годы получили популярность формальные, операционные критерии парности, сводящиеся к возможности или необходимости замены СВ НСВ в некоторых позициях [Маслов 1984: 66–67; Forsyth 1970; Булыгина, Шмелев 1997: 151; Зализняк, Шмелев 2000; Гуревич 1998: 25; и др.] (замена СВ прош. врем. на НСВ при переводе повествования в наст. историческое (критерий Маслова), возможность (почти) синонимичной замены видов у некоторых глаголов в некоторых случаях в некоторых ситуациях в императиве и при отрицании и т. д.). При всей эвристической и доказательной значимости подобных операций не следует преувеличивать их значение. Разумеется, возможность замены говорит о функционально-семантической близости (но даже не тождестве!) этих форм в этом противопоставлении в данном контексте, но не более того. Однако семантическая близость или даже семантическое тождество в данном противопоставлении в данном контексте не говорит ничего и не гарантирует парность в другом или других противопоставлениях, тем более некоей фиктивной парности «вообще». Вообще странно, что Ю. С. Маслов, который в своей известной статье как раз и начал с разнообразия типов видовых пар, затем, не удержавшись, «съехал» на противоположную точку зрения и постарался найти единый и единственно верный критерий парности. Дж. Форсайт на основании того, что *искать* не употребляется как многократный результативный, выступает против того, что он парный к *найти*, считая это распространенным «заблуждением» (fallacy) [Forsyth 1970: 50]. Однако отсутствие у *искать* многократного результативного значения никак не отменяет того, что *искать* соотносится с *найти* так же, как *ловить* с *поймать* и мн. др. парами, и в этом смысле они являются парными. Кроме того, возможность замены СВ на НСВ и наоборот является интуитивно очевидной только для носителей языка. С точки зрения практических потребностей обучения языку и собственно с теоретической точки зрения наибольший интерес представляет как раз противоположная проблема: как, исходя из значения глагола (глаголов), определить, можно ли его заменить в данной позиции глаголом противоположного вида, какие отличия при этом имеют место и почему. Кроме того, обратим внимание на очевидный факт: возможность или необходимость замены в некоторых случаях отнюдь не является правилом; напротив, правилом является несинонимичность видов, их принципиальное различие и, соответственно, невозможность замены в одном и том же контексте или вообще, или без принципиального изменения значения. Очень часто виды вступают в отношения своего рода антонимии [Маслов 1984: 72]: *Мир ловил меня, но не поймал* (Г. Сковорода); *учил, да не выучил, сдавал, да не сдал* и огромное множество аналогичных случаев. Возможность замены связана с особыми случаями сближения видов, приводящими к их нейтрализации в некотором отношении и конкуренции видов [Маслов 1984: 72]; как, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечает Е. В. Падучева, «употребление видов в контексте нейтрализации, равно как и тождество видовых форм в таких позициях, составляет отдельную проблему» [Падучева 1996: 90].

Таким образом, под видовой парой мы будем понимать пару глаголов НСВ и СВ в каком-то отдельном значении (грамматическом, видовом, ну, и само собой разумеется, лексическом), связанных регулярным соотношением и более или менее близких по значению.

4. Оценка языкового материала. Чем в большей степени мы углубляемся в языковой материал и чем более тонкие и сложные вопросы рассматриваем, тем чаще нам не хватает однозначных оценок «правильно» – «неправильно», и тем в большей степени становятся необходимы оценки «хорошо», «плохо», «хуже» и «лучше». Вместо только черного и белого возникают полутона, степени правильности и приемлемости. (При этом зафиксированность примера сама по себе не говорит о том, что он правилен (см. дискуссию об этом в [Шмелев 2002: 283–286]). Так, посол России в ООН Виталий Чуркин в выступлении на заседании Совета Безопасности сказал: *Грузия продолжает вероломное нападение на Южную Осетию* (ТВ, 8.08.08). Тем не менее, это неправильно, хотя и понятно.) Главная причина этого в том, что язык вешает свои «вешки» – слова и грамматические значения – на бесконечном кон-

тинууме реальности и между ними всегда провалы (в языке, но не в реальности), и когда надо об этом как-то сказать, говорящие «растягивают» и «сдвигают» имеющиеся значения. Иногда что-то вообще нельзя выразить правильно. Ср. высказывание в устной разговорной речи: *Обычно она (картошка) в это время (через 30 минут варки)уже – сваривается;* с СВ еще хуже: **...уже сварится*). Здесь *сваривается* не совсем правильно (в словарях не зафиксировано и интуитивно слово «корявое», непривычное, не обтесанное употреблением), но здесь должен быть употреблен НСВ, и в этом смысле правильно, вновь образованное слово соответствует продуктивной модели образования НСВ, и в этом смысле также правильно! Так сказать, правильность 95 %. В бесконечном океане употреблений есть ядро, прототипические случаи, которые звучат безупречно, и есть «натяжки» в речи, некоторая вольность, небрежность, та прекрасная свобода, с которой говорящие в ла – деют (точное слово!) своим родным языком. Насколько свободно и неправильно говорят и пишут в ситуациях непринужденного, неформального общения носители языка, стало особенно ясно в связи с пришествием Интернета, корпусов данных и автоматизированных поисковых систем. Именно легкие неправильности делают язык живым, язык растет и развивается через вывихи и растяжения, которым его постоянно подвергают говорящие и пишущие.

Другая сторона проблемы – это субъективность оценки приемлемости тех или иных примеров. При этом расхождение в оценке правильности конструкции зависит не только от языкового опыта и компетенции, но также от нашего воображения, от того, насколько мы способны домыслить контекст, который делает предложение правильным. Не спасает и «объективизация» путем опроса информантов. 10 человек скажут, что так нельзя сказать, а если мы спросим 11-го, то он скажет – можно. И с этим ничего нельзя поделать. Это та расплывчатая объективно-субъективная реальность языка, с которой приходится мириться и считаться.

5. Значение и употребление. Обогащение признаками денотативных ситуаций. Чрезвычайно важный момент, который постоянно надо иметь в виду, это то, что язык «сросся» с жизнью, с употреблением в различных жизненных ситуациях. Значение невозможно отделить от употребления. Значение возникает в результате взаимодействия жизни и языка. Является ли что-то значением – это вопрос степени. Значение – это в высшей степени конвенционализированное употребление. Если нечто ассоциируется со словом в 100 % его употреблений, то это, несомненно, значение. А если в 99 %? В 80? А если просто часто, но не всегда? Неправильно было бы это просто отбросить, потому что это хотя и вероятностная, но, тем не менее, информация. Семантика слова не делится на четкие значения, как это, может быть, хотелось бы лексикографам, то, что выделяется в качестве значений, – это, скорее, сгущения в континууме употреблений, о которых как о значении слова говорил Витгенштейн [1994] – Это обстоятельство начинает постепенно учитываться в лексикографической практике, так, в современных толковых словарях английского языка для таких случаев используются толкования через *usually, often* и т. п. Напр.: *leap* – «to jump through the air, often landing in a different place» [Longman 1989].

«Проникновение» особенностей употребления в значение описано для имен существительных под названием «обогащение признаками денотата» [Арутюнова 1976: 337; Шатуновский 1983]. Так, *офицер* – это 'тот, кто служит в армии или на флоте и относится к командному составу' – ничего более для приложения этого слова к объекту не нужно. Однако какие-то типичные, хотя и не обязательные, признаки денотативного класса офицеров – смелость, военная выправка, приверженность специфическому кодексу чести и т. п. – начинают (в большей или меньшей степени) ассоциироваться с этим словом, входя тем самым в какой-то степени в его значение и определяя его языковое поведение: *Ах, какой был мужчина! Настоящий полковник!* (из песни А. Пугачевой). Однако не в меньшей степени подобное «проникновение» характерно для глаголов. Во многих случаях типичные признаки денота-

тивных ситуаций – признаки объектов, участвующих в данных ситуациях, прагматические характеристики самих этих ситуаций, их предпосылки и / или последствия и т. д., и т. п. – втягиваются в значение, конвенционализуются, начинают в большей или меньшей степени ассоциироваться с глаголами и их аспектуально значимыми группами. Непрерывное взаимодействие, смешение языка и жизни в пункте употребления видовых форм ставит задачу разграничения того, что идет от жизни, и того, что идет от языка, при ясном понимании того, что окончательно и однозначно разделить язык и жизнь невозможно.

Глава 1

Проблема инварианта

1. Вступительные замечания. Вследствие неравноправности оппозиции СВ – НСВ – наличия единого, «жесткого», относительно четкого значения у СВ и целого комплекса достаточно размытых, с переходными «зонами» между ними значений у НСВ – задача нахождения инварианта и сам этот «искомый» инвариант предстает в разном виде для СВ и НСВ. СВ как маркированный член оппозиции имеет четкое, резко выраженное семантическое «ядро», присутствующее во всех его частных типах и подтипах, которое и может быть в силу этого названо инвариантным; если здесь и есть исключения, то это именно исключения, и в той мере, в какой некоторое употребление отклоняется от инварианта, оно в той же мере уже и не является СВ, это, так сказать, этимологически СВ, но уже не совсем СВ с синхронной точки зрения. Что же касается НСВ, то здесь говорить о едином общем компоненте для всех его частных значений и употреблений было бы натяжкой. Здесь следует иметь в виду следующее. **(1)** Значения НСВ представляют собой категорию, основывающуюся на «семейных сходствах», в которой все члены связаны друг с другом, но не непосредственно, через наличие общего компонента, но для многих членов опосредованно, так что какие-то из них, удаленные друг от друга в «гнезде значений» могут не иметь ничего общего. В то же время в этой «семье» значений НСВ имеется основное значение, мотивирующее в конечном итоге все остальные. **(2)** Единое в своей основе значение СВ в противопоставлении разным частным значениям НСВ «поворачивается» разными гранями, аспектами; при этом функционально основным может становиться не инвариантное значение СВ, но некоторый другой аспект, компонент его семантики (например, в противопоставлении конкретно-фактического СВ и некоторых разновидностей общефактического НСВ). То же касается противопоставлений в различных грамматических позициях, например, в будущем времени, в императиве, при выражении повторяющегося действия и т. д.

Основным, первичным, семантически и логически исходным значением НСВ является «процессное» значение (будем пока называть его так). «... Процессное значение должно быть поставлено во главе всех остальных как наиболее специфическое: только в этом значении не совершенный вид абсолютно не заменим совершенным» [Маслов 1984: 74]. Поэтому мы начнем наше путешествие по виду с этого значения. Поскольку НСВ и СВ противопоставлены и обуславливают друг друга, определяя и характеризуя то или иное значение НСВ, надо всегда иметь в виду и сопоставлять его с СВ, и наоборот. Но хотя они существуют в системе только вместе, мы не можем говорить сразу, одновременно, и об СВ, и о НСВ. Поэтому мы будем двигаться циркулярно, точнее, по спирали, переходя от НСВ к СВ и возвращаясь на новом уровне опять к НСВ и т. д., в каждом конкретном случае так, как это удобнее для описания.

Прежде чем приступить к рассмотрению значений СВ и НСВ в их наиболее контрастном и лингвоспецифичном противопоставлении, необходимо решить одну понятийно-терминологическую проблему, заключающуюся в отсутствии общего термина и соответствующего абстрактного понятия для обобщенного значения НСВ, фигурирующего в этом противопоставлении, значения, разновидностями которого являются традиционно выделяемые частные значения НСВ (актуально-длительное, конкретно-процессное, континуальное, постоянно-непрерывное и т. д.), на определенном, необходимом в данном случае уровне абстракции одинаково противопоставленные СВ. В работе [Падучева 1996] эти значения объединяются под общим заголовком *Группа I* [с. 10]. Однако хочется иметь более мотивированное обозначение. Будем называть это обобщенное значение неопределенно-длитель-

ным значением (сокращенно НД НСВ). Прототипической разновидностью этого значения является конкретно-процессное (или просто процессное) значение [Маслов 1984: 50; Бондарко 1971: 24]. Глагол в этом значении обозначает актуально происходящий процесс (собственно процесс или действие, которое также во вполне ясном смысле является процессом – процессом каузации каких-либо изменений или других процессов): *Из крана течет вода; Иван бежит / пишет письмо; Когда я вошел, Иван писал письмо* и т. д. Более общей и более широкой разновидностью НД значения является актуально-длительное значение [Гловинская 1982: 14], частным случаем которого фактически является конкретно-процессное значение; актуально-длительное значение охватывает не только процессы и действия, но и актуальные состояния и отношения, т. е. то, что трудно назвать процессом: *Петя сидит на стуле/ присутствует/ находится сейчас на собрании; Белеет парус одинокий* и т. п.

2. Противопоставление НСВ и СВ. Противопоставление НСВ и СВ кодирует, фиксирует в языковой форме одно из онтологически наиболее важных противопоставлений непрерывно движущегося во времени мира, а именно, предварительно и упрощая: его статического и динамического аспектов, или, другими словами, неизменности и изменения⁵.

Неопределенно-длительный НСВ обозначает одну и ту же ситуацию (далее сокращенно С), одно и то же (= неизменное) «положение вещей» (Р)⁶. (Ср. определение А. А. Барентсена: значение НСВ – «указание на одну ситуацию» [1978].)

Укажем особенности, предполагаемые этим кратким определением.

(1) Ситуация, обозначаемая НСВ, обязательно длящаяся, она не может быть «моментальной», она распространяется на какой-то интервал^{7,8}. Это и фактически, и логически так: ведь для того, чтобы сказать, что ситуация не изменилась, что это всё та же ситуация, мы должны сравнить хотя бы два последовательных временных среза, пункта, точки, в которых существует эта ситуация. Отсюда *длительный* в названии, ср. термин *актуально-длительное* значение М. Я. Гловинской, также отражающий эту особенность данного значения НСВ. Термин *конкретно-процессное* также отражает, хотя и в более завуалированной форме, эту особенность, поскольку процесс – это то, что однородно и длится, ср.: «... Под «процессом» мы понимаем длящуюся гомогенную ситуацию, состоящую из сменяющих друг друга фаз» [Зализняк, Шмелев 2000: 21].

(2) Ситуация должна длиться хотя бы какое-то время также и потому, что точка отсчета, которой в прототипическом случае настоящего времени является настоящее момента речи и сознания, также непрерывно движется во времени. Ситуация, обозначаемая НД НСВ, неопределенно протягивается, распространяется по обе стороны от точки отсчета, которой в прототипическом случае является момент речи и сознания говорящего (Г), не имея ни начала, ни конца: '.....Р.....' (поэтому значение неопределенно-длительное). Это свойство также логически вытекает из неизменности денотативной ситуации: указание на начало или конец есть указание на отсутствие Р, т. е. некоторую иную, отличную ситуацию, то есть изменение, а это прерогатива СВ. Чтобы обозначать «одно и то же», НСВ должен представлять С как не имеющую ни начала, ни конца, неопределенно длящуюся. (Поэтому наиболее естественной и типичной формой НСВ является настоящее: настоящее человеческого сознания

⁵ «Форма СВ всегда описывает ситуацию изменения, т. е. предполагает момент, когда некоторое положение вещей не имело места, и момент, когда имеет, или наоборот» [Падучева 1996: 24].

⁶ Символом С здесь и далее мы обозначаем обобщенную ситуацию вообще, никак ее не характеризуя; символ Р более конкретен: Р обозначает позитивно охарактеризованное положение вещей, так что одна ситуация это Р ('Р имеет место'), и другая ситуация – не Р ('Р не имеет места').

⁷ «Форма НСВ описывает ситуацию в ее развитии во времени, т. е. как проходящую через ряд последовательных временных фаз» [Падучева 1996: 24].

⁸ Отсюда, видимо, в противопоставлении «линейному» НСВ дается определение СВ как имеющего «точечное» значение – не совсем, впрочем, верное.

так же непрерывно длится, не имея ни начала, ни конца, хотя при этом его субъект знает, как и в случае с НСВ, что когда-то было начало и когда-нибудь будет конец.) *Я играю на гармошке у прохожих на виду* («Песенка крокодила Гены») – игра началась до того момента, когда об этом говорится, и закончится после, при этом начало и конец никак не обозначены, «тонут в тумане», остаются за пределами процесса, обозначенного НСВ. Аналогично, *Когда я вошел, он читал* – действие простирается неопределенно по обе стороны точки отсчета, образованного моментом моего входа. Ср. описание значения НСВ А. В. Исаченко: «Выражая процесс при помощи форм несов. вида..., говорящий находится как бы в потоке самого процесса. Он не видит ни его начала, ни конца...» [Исаченко 1960: 132]. Как представляется, этот признак отражен также в образной форме в определении общего значения НСВ В. В. Виноградовым: «Обозначение действия в его течении, не стесненным мыслью о пределе процесса в целом, – основное, общее значение несовершенного вида» [Виноградов 1947: 498].

Вопрос, который возникает в связи с определением НСВ через неизменность: если этому определению безусловно соответствуют такие примеры, как *Петр сидит на скамейке/спит; Белеет парус одинокий* и т. д., то как же быть с большинством глаголов НСВ, описывающих именно изменение: *Петрова увядает* (Н. Заболоцкий); *Температура повышается; Иван пишет новый роман / поднимается по лестнице* и т. д.? Ведь подавляющее большинство глаголов, будь то СВ или НСВ, описывает именно изменение! Для того, чтобы разобраться с этим вопросом, мы должны иметь в виду, что вид – категория интерпретирующая, «субъективно-объективная» [Бондарко 1976; Маслов 1984: 6; Кошелев 1988; Барентсен 1995: 11], как, впрочем, и любая семантическая категория, любая семантическая система. Иными словами, употребление того или иного вида зависит не только от свойств объективной действительности, но и от ее интерпретации человеческим сознанием, от ее представления в языке, в ходе которого неизбежно происходит отвлечение от каких-то ее бесконечно разнообразных сторон, «искажение» и упрощение обозначаемого «фрагмента реальности». При этом роль интерпретации, абстрагирования и отвлечения в общем случае больше в случае НСВ, этот вид в целом требует большей абстракции и сильнее «искажает» действительность. Ведь на самом деле все непрерывно изменяется, и если даже все остальное остается неизменным, то по крайней мере время беспрерывно становится «всё более поздним» и в каждый последующий момент другое! Поэтому употребление НСВ обусловлено отвлечением от имеющих место изменений. Если глагол НСВ обозначает изменение, то он изображает его в том аспекте, в котором это изменение неизменно. Он обозначает неизменное изменение (в фокусе значения – #неизменное#). В этом смысле обозначают «одно и то же» все глаголы постепенного изменения, инхоативные: *слабеет, темнеет, растет, сохнет, увядает* и т. п., и каузативные: *пишет роман, строит дом, рисует картину*, а также *пьет пиво, ест кашу* и множество других.

СВ, в отличие от НСВ, изображает, образно говоря, «историю» мира (разумеется, не всего мира в целом, а какого-то его фрагмента, и не всю историю в целом, а какой-то ее «кусочек»), его диахронический аспект. Продолжающееся, «тянущееся» во времени положение вещей (ситуация) является одним и тем же, понимается как одно и то же постольку, поскольку оно не изменяется, и только до тех пор, пока оно не изменится. Когда происходит изменение, наступает «история», описываемая СВ.

Чтобы изобразить историю фрагмента мира, надо описать последовательно сменяющие друг друга различные «положения дел», сделать несколько последовательных «снимков» или «рисунков» изменяющегося «кусочка» действительности (как это делается при производстве кино– или мультфильма). Соединение этих «рисунков», «сцен» в значении СВ моделирует, отражает «историю» фрагмента мира. Таким образом, значение СВ представ-

ляет собой «цепочку», соединение, своего рода конъюнкцию пропозиций⁹, описывающих последовательные «состояния» какого-либо фрагмента мира. Ср. определение инварианта СВ у А. А. Барентсена: СВ «указывает на то, что происходит смена ситуаций» [1973] – Соответственно, когда мы понимаем предложение с глаголом СВ, перед нашим «мысленным взором» проходит «история»: сначала мы видим одну ситуацию, затем на ее месте другую, затем, может быть, третью.

Минимум «сцен», способный представить «историю», – это 2 последовательные «сцены», ситуации. Инвариантное значение СВ можно представить следующим образом:

#C₁; затем C₂;...# = #C₁ → C₂...# (C₂ после C₁).

Многоточие символизирует, что «цепочка» С может быть и более длинной. Среди естественных языковых классификаторов ближе всего к выражению инвариантной «идеи» СВ имя *событие*; характерно, что английский эквивалент слова *событие* – *event* – образует «ядро» определения значения СВ в работе Дж. Форсайта: «a perfective verb expresses the action as a total event summed up with the reference to a single specific juncture» [Forsyth 1970: 8] («глагол сов. вида выражает действие как целостное событие, относящееся к единичному конкретному моменту времени» (здесь и далее перевод наш. – И. Ш.))¹⁰.

Примеры толкований: *Вася растолстел* = ‘Вася худой → Вася толстый’; *Вася умер* = ‘Вася жив → Вася мертв’ и т. д. Показательно, что именно через соединение пропозиций, описывающих последовательные положения вещей, описывается семантика глаголов СВ в работах, где ставится задача максимально эксплицитного толкования: «*Дождь кончился* = ‘В момент t₁ имел место дождь; в более поздний момент t₂ имело место отсутствие дождя» [Апресян 1980: 16; см. также 1995: 58–59]; «*Белье высохло* = ... = ‘В какой-то момент времени белье не сухое (влажное), в один из последующих моментов белье сухое#» [Гловинская 1982: 78]. Значение может состоять из трех последовательных «стадий». Весьма распространенными типами «трехзвенных» СВ являются глаголы, у которых между исходной и конечной С располагается средняя, или «медиальная» фаза [Сильницкий 1983], представляющая процесс перехода от исходной к конечной С (инхоативные глаголы) или действие, каузирующее такой переход (результативные глаголы). Например: *Вася выкопал яму* = ‘Ямы нет → Вася копает → Яма есть’; *Сосулька растаяла* = ‘Сосулька есть → Сосулька тает → Сосульки нет’ и т. п.

Значение глагола НСВ также может быть связано в определенном смысле с «историей» [Арутюнова 1980: 219–222; Филлмор 1983: 86]. Однако между НСВ и СВ сохраняется принципиальное различие, которое коротко можно сформулировать так: СВ всегда о б о з н а ч а – е т «историю», НСВ иногда, хотя и очень часто, предполагает «историю». Глагол НСВ обозначает одно «положение вещей», одну «сцену», которая может быть, по логике самих вещей и тем самым по семантике глагола, связана с предшествующей и / или последующей ситуацией. При этом представление о последующей ситуации характеризуется ирреальной (гипотетической) модальностью, [ср. Кошелев 1988: 238–239; Сильницкий 1983: 60]; характерно также наличие условного компонента в толкованиях актуально-длительного значения НСВ: «... если процесс ... не прекратится..., то в этот момент начнет существовать Р цели-

⁹ В случае внеконтекстного, словарного толкования точнее говорить о пропозициональных формах, = схемах пропозиций с незаполненными конкретными актантами валентностями глагола [Падучева 1985: 35].

¹⁰ Вместе с тем по целому ряду параметров значение слова *событие* конкретнее и уже той абстрактной грамматической идеи, которая выражается глаголами СВ. Так, события обычно рассматриваются как нечто спонтанное, не зависящее или не полностью зависящее от воли человека [Арутюнова 1988: 173; Радзиевская 1981: 15], они происходят в жизни людей и значительны по своему эффекту [Романова 1979: 153; Николаева 1980; Радзиевская 1981: 8; Арутюнова 1988: 171]. В дальнейшем мы будем использовать слово *событие* (в кавычках или без) в смысле «так сказать, событие» как номинализованный классификатор инвариантной идеи СВ (поскольку ближе к этой идее слова нет) с вычетом указанных компонентов значения этого слова.

ком» [Гловинская 2001: 97]; «В толкование акт. значения предельного глагола НСВ входит импликация: ситуация характеризуется как такая, которая, если она не прекратится приведет к определенному итоговому состоянию» [Падучева 1996: 19–20].

3. Неизбежность упрощения. В связи с определением значений СВ и НСВ возникает ряд методологических проблем. Одни из этих проблем собственно языковые, они связаны с грамматическим устройством русского языка и особенностями метаязыка науки. Для метаязыка лингвистики характерно «переведение» всех изучаемых концептов в имена существительные, их номинализация – ведь без этого, согласно принципам любой грамматики, о них невозможно говорить. В то же время вид – это специфически глагольная категория, производные от глаголов имена существительные в целом не отражают видовых значений, СВ и НСВ в них сливаются (о реликтах аспектуальных различий в области имен см. [Гловинская 2001: 57–60; Чжан 2007]). Поэтому все ключевые для описания видовой семантики слова, такие как *изменение*, *смена (ситуаций)*, *возникновение (новой ситуации)* и т. п., не различают значений СВ и НСВ и могут пониматься как в смысле СВ (события), так и в смысле НСВ (процесса). Поэтому мы не можем просто сказать, например, что СВ обозначает *изменение* или *возникновение* новой ситуации, но должны добавить «в смысле СВ», или, по крайней мере, подразумевать это. Можно также с помощью обычного приема лингвистов разграничить эти значения с помощью индексов: *изменение₁* – в смысле СВ, *изменение₂* – в смысле НСВ; при этом, разумеется, цифры не способны пролить какой-либо свет на специфику этих значений.

Другая проблема имеет более глубокий характер. Какое бы определение значений СВ и НСВ мы ни взяли, оно всегда оказывается в какой-то степени односторонним, неполным и схематичным. Причина этого, очевидно, в том, что значения СВ и НСВ выражают базовые для русской языковой картины мира понятия, настолько специфические, что они не могут быть приравнены к каким-нибудь другим, более ясным и простым концептам. В конечном итоге, грамматическое значение вида гораздо обобщеннее и глубже, чем частные лексические значения отдельных слов, поэтому нужно искать другие средства, чтобы попытаться как-то отразить, изобразить общие значения СВ и НСВ. Поэтому значение видов может быть эксплицитно и более или менее недвусмысленно представлено только в развернутом, описательном виде, а также с помощью когнитивных средств другого рода, другого рода «материю», картинок и т. п., как это часто делается в когнитивной лингвистике. При этом картинки также не очень помогают, поскольку в употреблении видов огромную роль играют абстрагирование и интерпретация, которые имеют мысленный характер и не могут быть изображены. Заметим самокритично, что наше толкование-описание инварианта СВ, приведенное выше, также страдает упрощенностью и схематичностью¹¹. Главный его недостаток заключается в том, что значение СВ в этом описании расчленяется на отдельные последовательные ситуации, между которыми в толковании пропасть, перерыв. Такое толкование в полном смысле подходит к описанию СВ, обозначающих смену состояний, четко отделяющихся друг от друга—*Петр побывал в Англии; Орбита изменилась; Пошел дождь; Температура повысилась; Петя сильно похудел с того времени, когда я его видела последний раз*. Однако это описание слишком упрощает и тем самым искажает значение глаголов СВ, обозначающих «слитные», состоящие из множества не отделяющихся друг от друга фаз, действия и события: *Иван ударил Петра / поцеловал Машу; Петя упал / Маша покраснела*; и т. д. С когнитивной, психологической точки зрения значение таких глаголов образует целостный динамический образ, «гештальт» [см. Langacker 1987: 248; Dickey 2000: 36–37]. Тем не

¹¹ Впрочем, видимо, это удел всех толкований и объяснений: никакое объяснение и толкование никогда не может быть тождественно значению того, что оно толкует или объясняет, просто потому, что полного тождества различного не может быть по определению – иначе оно не было бы различным! Это всегда какое-то приближение. Задача – приблизиться как можно ближе.

менее, и это уже нельзя никак показать, но можно только сказать, существенным с аспектуальной точки зрения в этом «гештальте» является то, что он объединяет различные, хотя и слитные, этапы в «движении» во времени фрагмента мира.

4. Различные определения значения СВ. Не все, однако, так грустно. Если, с одной стороны, все определения СВ отчасти неадекватны, то, с другой стороны, все они в каком-то аспекте, в каком-то приближении и правильны. В разное время давались различные определения инвариантного семантического признака СВ (и, соответственно, в «отрицательной» форме – инварианта НСВ) – «законченность», «результативность», «точечность», «целостность» действия, «достижение действием предела», «наличие компонента ‘начало’» и т. д. Перечисленные определения указывают на одно и то же – инвариантное значение СВ – но с разных сторон. Они отличаются не денотативно, а сигнификативно (ведь, как известно, можно разными способами указать на один и тот же денотат). Недостаток этих определений в том, что они имеют недостаточно общий характер – «отражают» каждое какую-то одну сторону, один аспект инварианта СВ, более или менее существенный (и поэтому не могут быть в естественной форме приложены ко всем глаголам СВ), а также в том, что они недостаточно эксплицитны и удовлетворяют (если удовлетворяют) интуиции не столько за счет того, что говорится, сколько за счет того, что этим сказанным подразумевается. Разумеется, в значение каждого глагола входит компонент «законченность» действия, ситуации (поэтому термины *совершенный* и *несовершенный* полностью оправданны с точки зрения их мотивированности). Но что именно «завершено», закончено? «Закончилась» исходная ситуация, может быть завершена, если она есть, «медиальная» С, но конечная С является такой же «незавершенной», как и С, обозначаемая НСВ (Он *приехал* – конечная С #Он здесь# не закончена и длится). В определении С В как обозначающего действие, достигшее результата, также «скрыта» информация о сменяющих друг друга С: на первом этапе есть действие, но нет результата, на втором – есть результат. (Но, разумеется, это определение относится только к части глаголов СВ – к глаголам «результативного» способа действия.) Столь же верно и то, что в значение каждого глагола СВ входит компонент #начать# [Wierzbicka 1967: 2245; Гловинская 1982] (последнее определение стало особенно популярно в последнее время в отечественной русистике в формулировке #возникновение нового состояния#). СВ обозначает «соединение», смену, «стык» ситуаций, и слова *начало* и *конец* обозначают с разных сторон этот «стык». При этом иногда (это зависит от типа глагола) удобнее говорить в терминах начала, а иногда в терминах конца, а иногда, и очень часто, особенно в случае сложных событий, – в терминах целостного действия – начало, середина и конец вместе [Шелякин 2008: 62]: Он *побывал в Англии*; Он *поспал немного*; Иван *моргнул / подскочил на стуле*; Иван *поцеловал Машу* и т. д. – говорить здесь о начале или конце чего-то не очень естественно. Иван *ударил Петра* – какая здесь новая ситуация? Иван «ударен»?

Наиболее общим и поэтому наиболее адекватным (хотя и наиболее туманным – впрочем, этим оно также и хорошо) является определение СВ как содержащего указание на ограничение действия пределом (и НСВ – как не содержащего такого указания) [Виноградов 1947: 497–498]. Это определение, в силу своей обобщенности, поднимается над различием «начала» и «конца». Это определение также соответствует приведенному выше описанию инварианта СВ и НД значения НСВ. Как границей, «пределом» реки является берег, так границей одного состояния может быть только другое состояние, предшествующее ему (и образующее тем самым его начальную границу) или следующее за ним (и задающее тем самым его конечный «предел»):

$$---C_1|C_2|C_3--- \rightarrow \text{Время}$$

Если нет смены состояний, ситуаций, то нет и границы, нет и предела. Поэтому в каком-то смысле сказать, что НСВ обозначает «одно и то же» положение вещей, и сказать, что НСВ не содержит указания на ограничение действия пределом (аналогично – в отношении СВ) – значит, в сущности, сказать одно и то же. НСВ не может указывать на предел, границу С, поскольку в этом случае он сообщал бы и о другой, предшествующей или последующей С, а это противоречит его инварианту (обозначение «одного и того же») и является прерогативой СВ

5. Вид как интерпретирующая категория. Как было отмечено выше, вид – категория объективно-субъективная. Иными словами, употребление того или иного вида зависит не только от свойств объективной действительности, но и от ее интерпретации говорящим субъектом. Во многих случаях выбор вида предопределен объективными свойствами описываемого «пространственно-временного фрагмента». Так, фрагмент 'X жив – X мертв' вряд ли может быть интерпретирован иначе, чем смена ситуаций, и, соответственно, может быть описан только глаголом СВ: *Хумер*. В других случаях, однако, один и тот же фрагмент может быть интерпретирован по-разному. Действительность постоянно изменяется и всякое «то же» о каком-либо состоянии, длящемся во времени, всегда продукт большей или меньшей абстракции, отвлечения от изменений. Соответственно, при одном взгляде, при одной интерпретации мы имеем дело с «одним и тем же» положением вещей, при другом – с разными последовательными состояниями. В этих случаях может быть употреблен и СВ, и НСВ, но с разной интерпретацией, с разным представлением ситуации. Так, предложения *Он продолжил дело отца* и *Он продолжает дело отца* могут описывать в точности один и тот же денотативный фрагмент. Употребляющий СВ рассматривает данный фрагмент как состоящий из двух последовательных (и, стало быть, разных) С: 'Его отец делал это дело – Он делает это дело'. НСВ отражает понимание этого фрагмента как «одного и того же» на всем его протяжении: 'Дело делалось и делается'. Заметим, что *продолжил* выше не предполагает никакого перерыва в деятельности. Однако такой перерыв обязательно предполагается в *Он продолжил играть на рояле*. Дело в том, что в первом случае ситуации и без перерыва легко могут быть осмыслены как разные вследствие различия актантов. Во втором случае актант один и тот же, поэтому если не было перерыва, то нет смены разных ситуаций, и СВ употреблен быть не может.

Яркий пример различий в интерпретации – глаголы движения. *Х идет* понимается как одно и то же длящееся «положение вещей» только в результате того, что мы отвлекаемся от того факта, что в каждый последующий момент положение X-а другое. Но если мы сфокусируем внимание на этом, на том, что это «история», цепочка последовательных разных С, то получим различные глаголы СВ (в зависимости от того, какие пространственные ориентиры выбираются, и их места в «истории» движения): *Х прошел 5 м / 3 км* и т. д. = 'X находится в некотором (конкретно не определенном) пункте Y → X идет → X находится в некотором (конкретно не определенном) пункте Z, расстояние от Y до Z = 5 м / 3 км'; *Х подошел к дереву* = 'X не находился около дерева → X шел → X находится около дерева'; *Х прошел мимо дерева* – более сложная «история», которая, однако, легко может быть описана аналогичным образом; и т. д. [ср. Кошелев 1988: 46].

Далее, само течение времени есть в определенном смысле тоже изменение, поэтому в каком-то смысле если время другое, то и ситуация уже другая, хотя остальное может остаться и без изменений. Отсюда СВ в предложениях *Прошло три года* (= $t_1 \rightarrow t_2; t_2 \rightarrow t_1 = 3 \text{ года}$), *Он проспал три часа* = 'Прошло три часа, и все это время он спал' и т. д. Но поскольку от изменений во времени отвлечься легче всего, те же ситуации могут быть интерпретированы как «одно и то же» и, соответственно, описаны НСВ: *Идет уже четвертый год с того момента, как...; Он спал три часа*; и т. д.

Ярчайшим примером роли интерпретации в употреблении видов является семантическое соотношение в видовых парах *кончается – кончилась, поворачивает – повернула, обрывается – оборвалась* и т. п. в предложениях типа *Дорога кончается / кончилась у леса; Тропинка поворачивает / повернула около сторожки* и т. д., проанализированные Ю. Д. Апресяном [1980: 9; см. также Гловинская 1982: 96]. Денотативное значение предложений с СВ и НСВ в этих случаях почти одинаково. Разница, отмечает Ю. Д. Апресян, заключается в том, что форма СВ не только описывает расположение пространственного объекта, но содержит помимо этого указание на перемещавшегося наблюдателя, глазами которого как бы и воспринимается данный факт [1980: 9]. Но откуда в значении СВ взялся этот «как бы» наблюдатель? Представление о нем «наводится», имплицуется инвариантом СВ, обозначающего «историю», последовательную цепочку ситуаций. СВ может быть употреблен только в том случае, если имеет место такая «история», поэтому значение предложения *Дорога кончилась...* может быть интерпретировано только как 'Какое-то время дорога есть; начиная с определенного момента дороги нет'. Поскольку фактически дорога в одно и то же время до леса есть, а в лесу нет (это реальное положение вещей отражает НСВ), СВ может быть оправдан только при наличии ограниченного в своем восприятии движущегося в пространстве (и, разумеется, во времени) наблюдателя, для которого сначала дорога есть, а затем ее нет. Ср. наблюдения китайского лингвиста Чжан Цзяхуа: «... Формы некоторых глаголов прошедшего времени ... могут обозначать не только статическую позицию, но и восприятие движущимся человеком объективно статического предмета (*Впереди вдруг поднялись зубчатые стены замка*). В подобных случаях подчеркивается не результат имевшего место в прошлом действия, а возникновение самого восприятия» [Чжан 1986].

6. Изменение и единичность. При всех различиях и сходствах обсуждавшиеся выше определения инварианта СВ лежали все в одной плоскости – отличия СВ и НСВ искались в характере обозначаемого пространственно-временного «фрагмента» действительности. В работах [Зельдович 2002а; 2002б] акцент при определении инварианта переносится на внешнее по отношению к самому действию различие в количественной характеристике этих фрагментов: в качестве инварианта СВ рассматривается указание на единичность (однократность) обозначаемой ситуации. Безусловно, единичность обозначаемой С – абсолютная или относительная (единичность в каждом случае повторения какого-то повторяющегося множества С) [Зельдович 2002а: 20] – является важнейшим семантическим признаком СВ – в его противопоставлении НСВ повторяющегося действия / события / процесса. Заметим, однако, что СВ также способен выражать повторяющееся действие, причем изолированное, не входящее ни в какое множество (*Только ястреб иногда пролетит над одинокой могилой*, подробнее см. далее (11, 3)) – хотя это его употребление очевидно производное, первично, прототипически СВ обозначает именно единичное событие. Но главное другое. То, что СВ противопоставлен НСВ (в значении повторяемости) по внешнему параметру единичности (однократности) – множественности (многократности) (количественной аспектуальности [Плунгян 2000: 294]), никак не отменяет вопроса о том, противопоставлены ли СВ и НСВ по внутреннему для ситуаций параметру различий в «характере протекания» действия во времени, как это традиционно называется (линейной аспектуальности [там же]), и если противопоставлены, то каким именно образом – вопрос, который рассматривался выше. Другой важный вопрос, возникающий в этой связи, это – связана ли каким-либо образом специализация СВ на выражении однократного (единичного) события с его внутренним семантическим устройством? Как представляется, между внутренним устройством СВ и его единичностью есть глубокая связь. Можно сказать, что однократность, единичность – это просто иная «грань», иной аспект, которым поворачивается в противопоставлении НСВ инвариантное (по параметру устройства С) значение СВ. Понятие однократности, единичности, как, впрочем, и многократности, может быть приложено только к дискретным сущностям, кото-

рые как-то отличаются, отделяются друг от друга. В случае сущностей, разворачивающихся во времени, эта дискретность создается изменением, отличающимся от неизменного «фона», т. е. тем, что начинается и кончается. Ведь в каком-то смысле и неопределенно-длительный НСВ обозначает «одно» – одно и то же, но не «кратное», оно не делится на части, из которых можно было бы выделить «многократное» и «однократное». Поэтому «кратным» (как одно-, так и много-) в области протяженных во времени ситуаций логически может быть только изменение (в смысле СВ, т. е. «свершившееся», начавшееся и закончившееся изменение, = событие), только оно может как повторяться, так и быть единичным.

Иной взгляд на эту проблему представлен в работах Г. М. Зельдовича, по мнению которого единичность шире событийности, значение единичности выражают все глаголы СВ, в то же время есть глаголы СВ «несобытийные» (и поэтому именно единичность, а не изменение и т. п., является подлинным инвариантным признаком СВ). В качестве примеров глаголов, обозначающих единичную ситуацию, но лишенных «событийности» (не включающих идей изменения, начала, конца), Г. М. Зельдович приводит глаголы *повезло*, *посчастливилось* – *Ивану посчастливилось жить в Москве* [2002а: 14; 2002б: 32]; к этим глаголам можно было бы прибавить *так вышло* / *случилось* / *получилось, что...*, *выпало* (в переносном смысле): *Ивану по воле случая выпало жить в Москве* / *родиться в семье известного писателя* и др. Как представляется, однако, эти глаголы не лишены событийного значения, просто они не обозначают конкретного события (такого, как *приехал*, *родился*, *поступил в университет* и т. п.). Такие глаголы указывают, что ситуация, обозначенная зависимой глагольной группой или придаточным предложением, возникла и имеет место в результате какого-то случайного события (или ряда событий), никак его не конкретизируя. Так, то, что Иван живет в Москве, может быть результатом того, что он удачно приобрел квартиру в Москве, или того, что его родители переехали в Москву, и т. д., и т. п., и даже если он настолько коренной москвич, что все поколения его предков жили в Москве с момента ее основания, все равно – ведь могло бы случиться так, что кто-то из них уехал из Москвы, но этого *события* не *произошло*, так что проживание Ивана в Москве есть следствие и «неслучившихся», отрицательных событий. Ср. пример, где отрицательное каузирующее событие эксплицировано: *Ивану посчастливилось / повезло: он не полетел с командой на игру и поэтому не погиб в авиакатастрофе*.

7. Вид и показатели количества и меры. Как неоднократно отмечалось, глаголы СВ могут сочетаться с показателями количества и меры: *Температура повысилась на 10 градусов*; *Он несколько поглупел*; *Он поправился на 5 килограммов* / *выпил стакан* / *полстакана воды*, *съел тарелку* / *полтарелки* / *две ложки каши*; *Он пробежал* / *прошел 3 километра*; *Петя выдал 5 книг*; *Завод выплавил 125 тысяч тонн стали*; *Белье наполовину высохло*; *Он написал половину* / *четверть романа* и т. д. В то же время НСВ с такими показателями возможен только при наличии особых условий. Так, в случае показателей количества НСВ возможен, если действие происходит одновременно со всеми квалифицированными числительным объектами (Он *нес домой два арбуза*) и невозможен, если действие происходит с этими объектами поочередно (*Он *ест два арбуза*; *Он *ест две груши* (нормально, если он ест эти груши одновременно, скажем, поочередно откусывая то от одной, то от другой); *Петя *выдает 5 книг* / *ломает три игрушки* [Падучева 1996: 186; Wierzbicka 1967: 2238]. Для объяснения этого феномена предлагается следующее объяснение. НСВ не сочетается с такими определителями (*Он *ест две груши*) по тем же причинам, по которым неправильно: *В *этот момент Ян дважды ударял Павла* [Wierzbicka 1967: 2236; Падучева 1996: 184]: для синхронного наблюдателя, предполагаемого значением НСВ, в каждый отдельный момент действием может быть затронут только один объект [Падучева 1996: 184]. В непротяженный «момент», действительно, не может уместиться действие, которое поочередно охватывает разные объекты. Однако в *этот момент* – это отнюдь не то же самое, что время, в которое разворачивается действие НСВ! «Момент» наблюдения для НСВ – это не совсем момент, это

не «точка» (ср. замечание Е. В. Падучевой, что момент речи является включенным показателем времени и ведет себя как точка [1996: 171–172]), поскольку это «момент», движущийся во времени вместе с наблюдателем! Таким образом, это момент и одновременно некоторый неопределенный интервал. Обстоятельство останавливает время, указывает на определенный его пункт, в то время как точка отсчета, момент наблюдения в НСВ все время бежит и бежит вперед. Поэтому мы можем сказать: *Ян бьет Павла* (при этом *бьет* обозначает ряд последовательных ударов); *Ян долго бил Павла*; *Ян уже долго бьет Павла*. И этот «момент» может проходить последовательно через разные этапы «истории мира», последовательно вовлекающие разные объекты! Человек может есть груши одну за другой в течение долгого времени, и в течение этого времени момент наблюдения (или просто точка отсчета, движущееся настоящее время) проходит поочередно через событие поедания первой груши, затем второй, третьей, десятой и т. д. (так что здесь нет объективной невозможности одновременности с разными последовательными этапами расчлененного события / процесса); повторим, точка отсчета движется во времени и в объективно разные моменты она одновременна с разными составными этапами длительного процесса, поэтому Г может сказать: *Смотри, он уже третий час ест груши!* или просто: *Что он сейчас делает? – Он ест груши* (одну за другой). Далее, НСВ не сочетается в норме не только с показателями определенного количества, но также с показателями меры: **Он пьет стакан / полстакана воды / кружку молока*; **Завод выплавляет 125 тыс. тонн стали*; **Он бежит / идет 3 километра* и с кванторами **Он ест всю кашу / немного каши / все груши*. То же относится к сочетаемости с родительным партиитивным (Он купил / съел хлеба – **покупает / съедает хлеба*) – в силу того, что родительный партиитивный скрывает за собой обозначение меры (квантифицированное количество): 'некоторое неопределенное количество' [Падучева 1996: 182–191]. Желательно иметь общее объяснение для всех этих случаев, в силу их очевидной общности: показатели количества – это тоже своего рода кванторы, а кванторы приложимы как к множеству, состоящему из дискретных объектов, так и к частям единого объекта, т. е. это тоже особого рода показатели количества и меры. Такое более общее объяснение предлагается А. Вежбицкой: предложения *Он пил стакан воды*; *Он ел три груши* «представляются странными, потому что если содержание глагола должно составлять событие, одновременное с некоторой точкой отсчета, это событие должно быть рассмотрено как континуум, как нечто не делимое на различные последовательные части. Показатель числа (меры, количества) в позиции объекта разрушает единство события, разделяет его на последовательные элементы, и, как следствие, порождает семантическое противоречие» [Wierzbicka 1967: 2241]. Однако это объяснение требует уточнения. С одной стороны, стакан воды – это именно континуум и нечто единое; с другой стороны, если человек ест три груши одновременно, то на самом деле он их ест тоже последовательно: откусит от одной, затем от другой, затем от третьей, затем опять от первой и т. д., когда наблюдатель уловит эту закономерность, он может сказать: *Смотри, он ест одновременно три груши!* Поэтому здесь важна не континуальность и не единство объекта как таковые, а одинаковость фаз. Важна не неделимость – не то, что это нечто неделимое (... ударил + ударил + ударил ... = *бьет* – делимо!), но нечто не делимое на различные последовательные части. Указание на количество, меру и т. д. сразу делает линию неоднородной, вносится идея изменения (составляющая существо СВ), от которой уже нельзя отвлечься в силу эксплицитности этого показателя. Таким образом, противоречие здесь между неизменностью (предполагаемой НСВ) и изменением, предполагаемым показателем меры, которая фиксирует некоторый результат, некую новую стадию в истории мира. Изменение – неважно, есть оно или только будет, составляет инвариант СВ: *Он съест 4 груши*; *Он уже два раза поцеловал Машу и поцелует ее еще три раза, так что всего он поцелует ее 5 раз* и т. д. Обстоятельство включает в состав значения предел, после достижения которого наступит

новая С / произойдет смена С (было съедено 2 яблока, а будет съедено 4 яблока)¹². Возникает вопрос: почему же тогда можно сказать: *Он пишет роман / ест яблоко* и т. д., и т. п., где возникновение романа / исчезновение яблока конституирует предел, после достижения которого действие (по крайней мере, с данным объектом) должно закончиться и достижение которого знаменует смену ситуаций? Чтобы объяснить это, напомним, что значение НСВ неопределенно – длительное, в частности, его окончание теряется в тумане и не (пред)определено. Достижение предела в НСВ всегда гипотетично (см. выше!) – такова метафизика несовершенного вида. Эта гипотетичность в толковании может быть изображена пунктиром, которым сменяется сплошная линия реального осуществления действия в момент / период наблюдения:

Иван пишет роман / ест яблоко =#... – пишет – – роман есть / яблока нет#. Поэтому это не реальный предел реального действия, это гипотеза. Иван может в любой момент прекратить писать роман и есть яблоко, и предел так и останется не достигнутым, не реализованным¹³. Теперь, мера или число не могут быть (точнее могут быть, но при особых условиях, см. далее) гипотетическим пределом, но являются реальным пределом. Субъект **Он ест 3 яблока / пьет стакан воды* и т. д. не может не достигнуть этого количественного предела, потому что если он съест, скажем, 2 яблока или выпьет полстакана воды, то откуда мы взяли, что ел / ест 3 яблока / пьет стакан воды? Тогда задним числом окажется, что он пил полстакана воды. Значение **Он ест 3 яблока* можно было бы, скажем, попытаться интерпретировать следующим образом: 'Он ест яблоки, и будет их есть до тех пор, пока не съест 3 яблока'. Заметим, что в толковании появился, вместе с реальным пределом в виде 3-х яблок, и это неизбежно, СВ, и вообще это не то значение, которое выражается русским НСВ; заметим, что такого предсказания – будет писать, пока не напишет; будет есть, пока не съест – нет в значении НСВ выше. Другой, более приемлемый с точки зрения семантики НСВ вариант осмысления – 'Он ест яблоки, имея целью съесть 3 яблока, а съест ли – неизвестно (с метафизической точки зрения, которая здесь как раз очень важна!)'. И вот такое употребление, хотя и с некоторой натяжкой, с точки зрения семантики НСВ возможно [Mehlig 2008: 273–274]. Оно шероховато и непривычно, поскольку обычно никто не ставит перед собой таких странных целей, поэтому так обычно и не говорят. Однако, как было сказано, в некоторых специфических условиях такая интерпретация становится возможной – тогда, когда определенная «мера», определенный количественный предел задан заранее, например обычаем субъекта: скажем, он каждое утро выпивает чашку кофе или каждое утро пробегает 5 километров. В этом случае можно сказать, хотя это и несколько шероховато: *Иван сейчас пьет свою утреннюю чашку кофе / бежит свои ежедневные 5 километров* [Mehlig 2008: 273–274] – с той же обычной пресуппозицией, что может сегодня и не выпить эту чашку до конца или, подвернув по пути ногу, пробежать 4 километра вместо 5-ти. «Причина этого в том, что ... инкрементальный аргумент, вводимый ... местоимением *свой*, может быть понят как относящийся к такой ситуации, которая происходит часто, более или менее регулярно. Тем самым «размер» сущностей, обозначаемых инкрементальным дополнением, определен заранее» [Mehlig 2008: 274]. Другой вариант предварительной фиксации количественного объекта имеет место в случае, когда спортсмен бежит дистанцию, длина которой определена заранее условиями соревнования: *Он сейчас бежит 3 километра* (о пятиборце)¹⁴.

¹² Характерно, что те же ограничения на сочетаемость с показателями меры и количества и очевидно по тем же причинам имеют место для глаголов делимитативного (ограничительного) способа действия: **повыдавал 5 книг* [Мелиг 2006]; **почитал несколько газет*, **попил стакан молока* и т. д. – делимитативные глаголы обозначают однородное (гомогенное) действие (процесс) [Мелиг 1995; 2006 и др.].

¹³ Ср. толкования глаголов НСВ в работе М. Я. Гловинской: «... если процесс ... не прекратится..., то в этот момент начнет существовать Р целиком» [Гловинская 2001: 97].

¹⁴ Аналогичная ситуация в отношении сочетаемости показателей меры с формами продолженных времен – граммати-

8. Вид и определенность / неопределенность объекта действия. Другой неразрывно связанный с семантической спецификой СВ и НД НСВ (и фактически являющийся продолжением рассмотренного выше) вопрос – это вид глагола и определенность или неопределенность его объекта. Употребление СВ во многих случаях предполагает, имплицитно, «наводит» определенность его объекта; при этом определенность вещества или группы предполагает его исчерпанность, = объект включает представление о кванторе общности 'все, весь, целиком'¹⁵: *Иван съел кашу* = 'всю определенную кашу, какая была'; *Ян накормил детей* – определенных детей (определенную группу детей), = *John has fed THE children* [Wierzbicka 1967: 2242]; *В Грозном убиты организаторы теракта 9 мая* (РИА «Новости», 24.05.2004) – в норме = 'все'¹⁶. Однако в других случаях значения определенности у объекта СВ не возникает: *Ян подарил Марии цветы* – неопределенные цветы [Wierzbicka 1967: 2245].

Итак, какие же глаголы предполагают определенность и исчерпанность объекта? Это глаголы в широком смысле предельные (не обязательно имеющие пару НСВ), т. е. такие, которые обозначают действие, которое должно прекратиться, достигнув предела, поскольку исчерпало себя. (При этом не глаголы, обозначающие создание чего-либо.) Теперь, глагол СВ сам по себе обозначает изменение, переход в новое состояние / прекращение прежнего состояния. При этом, поскольку реально изменения постоянно происходят, мы можем в любой момент зафиксировать эти изменения, указав на изменение, которое произошло (как бы сделать фотоснимок события, остановить движение, прервать его и тем самым – парадоксально – его изобразить, изобразить сдвиг в состоянии мира!). (Это как принцип дополнительности в квантовой физике: когда мы с помощью приборов производим измерение, фиксируем картину, движущаяся непрерывная волна превращается в дискретные частицы! В области отражения движения мира в русском языке действует принцип «языковой дополнительности», при этом антиномии «корпускула – волна» в квантовой физике соответствует антиномия «СВ – НСВ»: корпускула – СВ, волна – НСВ.) Непрерывное континуальное постоянное изменение (НД НСВ) превращается в застывшую картину, изображение изменения₂, в изменение₂ (СВ). Однако для этого мы должны поставить какой-то ориентир, указать, что именно нового произошло в мире, что было так, а стало этак (не так): *Он съел 2 ложки / несколько ложек / немного каши*; *Он прошел 10 метров*; *Он прошел мимо дерева*; *Ян написал 3 письма*; *Ян уже накормил двух детей (из трех)* и т. д. При этом объект в форме родительного падежа имеет значение меры [Падучева 1996: 183], он указывает, что действием «израсходована» некоторая сравнительно небольшая часть объекта: *Он выпил воды* = *немного воды*. Теперь, а если никакая «мера» не указана? Употребление СВ тем не менее указывает, что достигнут некоторый качественно новый «рубеж», в случае предельных глаголов по умолчанию – что достигнут «предел», после которого действие исчерпывает себя. Раз не указан эксплицитно некий произвольный рубеж, следовательно, действие достигло «естественного (внутреннего) предела», заложенного в семантике глагола и ситуации, контексте, и завершено, и наступило новое состояние. А это как раз и означает, что действием

ческих эквивалентов русского НД НСВ в английском языке, см. об этом в [Mehlig 2008: 274].

¹⁵ Ср ситуацию в английском языке, где определенный артикль в сочетании с именем, обозначающим группу, предполагает ее исчерпанность.

¹⁶ Заметим, что особняком здесь стоит слово *каждый*, выражающее дистрибутивную, а не собирательную универсальную референцию, в случае глагола – то, что действие совершается с каждым объектом отдельно, то есть повторяется. Поэтому *каждый* не сочетается с непрерывно-длительным, в том числе и актуально-длительным НСВ, его употребление совместимо только со значением повторяемости: *Суд внимательно разбирает каждую жалобу* (пример из [Падучева 1996: 185–186] – не актуально-длительное, а повторяющееся значение; ср.: **Он красит каждую дверь*; **Он ест каждую грушу*, где действие невозможно осмыслить как повторяющееся. СВ с *каждый* сокращенно обозначает последовательность законченных событий, действие началось, продолжалось и закончилось поочередно с каждым отдельным объектом: *Он пожал руку каждому присутствующему*, где нормально единственное число слова *рука*, поскольку каждому он пожал его руку, и только одну Ср.: **Он пожал руку всем присутствующим*.

«израсходованы» все объекты из группы, действие завершено со всеми объектами из группы, со всей массой вещества и т. п., больше не осталось («естественный» предел). Но для того, чтобы было возможно помыслить, что вся группа / масса «истрачена» и т. п., она должна быть выделена из континуума, должны быть очерчены ее границы, а это и означает, что такая группа / масса является определенной.

Теперь, *дарить цветы* и т. п. – событие другого типа, оно завершается, предел ему кладется не израсходованием цветов, а передачей цветов, моментом перехода их от Яна к Марии. Поэтому здесь СВ не влечет определенность объекта: *Он подарил Марии цветы* – цветы могут быть как определенные, так и неопределенные при этом если цветы введены в рассмотрение впервые, – неопределенные. В некоторых случаях событие таково, что предложение может пониматься двояко: *Петя полил цветы* = (1) цветы поливаются одновременно (скажем, они в одном горшке), определенные или неопределенные, предел кладется завершением полива, достижением цели; (2) цветы (скажем, которые растут у Пети на садовом участке) поливаются последовательно: сначала он полил один цветок, затем другой и т. д., полив завершается с исчерпанием всех цветов, когда полит последний цветок – только определенные цветы, = все цветы, которые есть на участке.

Если С В иногда требует определенности, а иногда допускает как определенную, так и неопределенную интерпретацию, то ситуация с НД НСВ является, что неудивительно, противоположной: у НСВ «крен» в сторону неопределенности: в каких-то случаях он требует интерпретировать объект как неопределенный, а в других случаях допускает как неопределенность, так и определенность объекта. Неопределенность требуется в тех случаях, когда действие происходит поочередно с рядом объектов, например: *Петя* (сейчас, актуально) *ест груши*, что означает: ...съел грушу + съел грушу + съел грушу + ест грушу... Поскольку НД НСВ требует однородности действия, а груши реально разные (каждая груша как определенная, т. е. уникальная, груша отличается от всякой другой груши), то единственным способом обеспечить эту требуемую значением НСВ однородность – это интерпретировать груши как неопределенные. В таком случае каждая съедаемая груша рассматривается не в индивидуальном, а родовом аспекте, как представитель класса, а в этом отношении все груши одинаковые.

Глава 2

Семантические типы глаголов СВ (в их соотношении с неопределенно- длительными глаголами НСВ)

1. Описанное выше инвариантное значение по-разному «преломляется» в различных с точки зрения лексической семантики глаголах СВ, давая различные с точки зрения специфики обозначаемых «цепочек» [см. Барентсен 1995] и характера противопоставления соотносительным глаголам НСВ типы СВ. При этом выделение различных типов СВ может происходить по разным основаниям и с разной степенью дробности. Здесь грамматическое (строгое и единое, несмотря на трудности с его определением) значение вида взаимодействует с лексической семантикой, которая бесконечно разнообразна, что дает уже не бесконечное, на порядки меньше, чем в лексике, но в десятки раз больше, чем в чистой грамматике, количество лексико-грамматических типов СВ, при этом деление на все более и более мелкие типы может идти вплоть до выделения отдельных своеобразных в отношении реализации инварианта глаголов. Традиционно в исследованиях по виду проводится разграничение между глаголами СВ и НСВ, парными по виду, и способами глагольного действия. Мы далее не будем придерживаться этого во многом слишком искусственного разграничения (которое, впрочем, все более и более «подрывается» в связи с включением в рассмотрение как парных глаголов начала действия / состояния [Гловинская 1982; 2001: 116–117; Падучева 1996: 155–156], ограничительных (делимитативных) глаголов и др.). В конце концов, наличие или отсутствие парного (в том или ином смысле НСВ) зависит от и связано с характером значения СВ, а для этого надо рассмотреть все СВ, не выделяя заранее какие-то из них в особую группу.

2. Наиболее простыми из глаголов СВ являются те, значение которых состоит из представления о двух последовательных С, каждая из которых сама по себе статична (неизменна). В их значении содержится только один «переход» от одной С к другой. Подобные глаголы не содержат указания на начало предшествующей С и конец последующей; определенным в их значении является только момент смены одной С другой; эта смена кладет конец одной С и дает начало другой. Здесь возможны следующие случаи.

Одна из С характеризуется чисто отрицательно (как такая, в которой не имеет места некоторое позитивное Р, обозначаемое соотносительным глаголом НСВ, имеющее место в другой ситуации). В свою очередь эти глаголы делятся на такие, где отсутствие Р составляет начальный, первый «этап» события ('не Р → Р'), и такие, где это отсутствие составляет заключительный, второй этап ('Р → не Р').

2.1. Тип 'не Р → Р' – возникновение некоторой ситуации. Наиболее грамматикализованные (делексикализованные) глаголы этого типа – *начать(ся)* – *начал петь, началось восстание, положить начало* (= 'начать что-то значительное, занимающее большой период времени') и *стать* (*настать, наступить*) [Падучева 2001]. При этом *начать*, в соответствии со своей внутренней формой, делает акцент именно на начальной фазе действия, указывает, что действие / процесс находятся в начальной фазе, т. е. является фазовым глаголом [Падучева 2001], в то время как *стать* обозначает смену ситуаций (возникновение ситуации) в наиболее чистом виде: сначала Р не было, а затем оно имеет место (см. подробнее в [Зализняк, Шмелев 2002]): ... *Честный Козлевич ... тоже стал мигать обоими глазами* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок). С этим связано то, что в случае контролируемых Р, когда возникновение Р зависит исключительно от выбора, воли субъекта, *стать*, но не *начать*,

сигнализирует о выборе субъекта делать или – с отрицанием – не делать Р: «...*Не стану есть, не буду слушать, умру среди твоих садов!*» *Подумала – и стала кушать* (Пушкин. Руслан и Людмила). Понятно, что человек выбирает *делать что-либо в целом*, а не только *начать*; эта прагматическая, жизненная особенность ведет через обогащение признаками денотативной ситуации к возникновению особого «полузначения», типа употребления у *стать*. Поэтому у *стать* отрицается выбор, а у *начать* – отсутствие начальной фазы [Падучева 2001]: *не стал кушать – (еще) не начал кушать* (с пресуппозицией, что выбор 'кушать' был).

При этом *начать* и *кончить* можно / *начаться* и *кончиться* могут только действия и процессы [Падучева 2001], *стать* – шире, но в целом тяготеет к состояниям.

Настать, наступить, воцарилось – примерно эквивалентны *стать*, но сочетаются с именами [ср. Падучева 2001]: *Настала / Наступила зима; Трудно даже измерить глубину молчания, воцарившегося на веранде* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Грамматикализованные глаголы *начать, стать* могут обозначать возникновение как актуального, так и неактуального состояния (в том числе повторяющегося действия): *начал курить, стал раздражительным* и т. п.

Лексикализованные (т. е. включающие в свое значение идею перехода вместе с указанием на то, какая именно С возникает) глаголы типа 'не Р → Р' также делятся на группы, примерно соответствующие *начать(ся)* и *стать*.

(1) Начинательные глаголы, указывающие, что Р находится в начальной фазе после перехода – тип 'не Р – начальная фаза Р', – образуются в русском языке с помощью приставки *за-*: *запеть, зацвести, закипеть, забежать (по комнате), закричать, засмеяться; Меня склонило в сон* (разг. речь); *И только небо осветилось, все шумно вдруг зашевелилось* (Лермонтов. Бородино); и т. д. *Х запел* = 'Х начал петь'. Такие глаголы в общем случае актуальны (ср. пример исключения из этого правила в [Зализняк, Шмелев 2000]: – *Выйдя замуж, она заварила борщи*). Глаголы на *за-* обозначают начало действий и процессов, но не состояний [Зализняк, Шмелев 2002: 212–213]; внутренние состояния вместе с их проявлениями – *заволноваться, забеспокоиться, засомневаться, засмущаться* и т. д. – в этом случае концептуализируются как процессы [там же]. Впрочем, в некоторых случаях глаголы с приставкой *за-* с почти стершейся, впрочем, внутренней формой, т. е. приставки там практически нет) могут обозначать переход в новое состояние (*заметить, завести собаку* и т. д.).

(2) Немаркированные в отношении начинательности глаголы «чистого» перехода ('не Р' сменилось 'Р', которое неопределенно длится): *Х увидел Y* = 'Х не видит Y → X видит Y'; *Х узнал, что Y* = 'Х не знает, что Y → X знает, что Y'; *Х полюбил Y* = 'Х не любит Y → X любит Y'; аналогично *заметил, замер, обратил внимание, понял, возглавил* ≈ 'встал во главе, стал главой.' и т. д. К этой группе примыкает важный глагол *подумать* в значении возникновения мысли / мнения: *Он подумал, что ее нет дома и ушел*.

Глаголы перехода от покоя к движению *пошел, полетел, выехал, поехал* и т. д. также относятся к типу (2): глагол здесь обозначает не просто начало, но начало и неопределенное продолжение начатого действия: *Иван поехал в деревню* = 'начал ехать и едет в деревню'; *Удовлетворенный Остап, хлопая шинурками по ковру, медленно пошел назад* (И. Ильф, Е. Петров. 12 стульев), где *хлопая* и *медленно* относятся не к компоненту 'начало', а к продолжающемуся действию 'идти' [Барентсен 1995: 10]; собственно говоря, *назад* тоже относится не к началу действия, а к действию в целом.

Многие глаголы, первично относящиеся к типу 'не Р → Р', могут пониматься и как обозначающие целостный акт (действие) типа 'не Р → Р → не Р' [Гловинская 2001: 116–117], начинают обозначать «по смежности» все действие в целом. Так, *увидел* может пониматься как 'не видит – видит – не видит', аналогично *почувствовал, услышал*. Ср.: *Вдруг я услышал чьи-то шаги* – 'начал и продолжаю слышать' и *Затем я услышал выстрел* – выстрел – краткое целостное событие, соответственно, таково же и событие его восприятия; аналогично *Стан-*

ция в ужасе замерла (М. Булгаков. Белая гвардия) – Она на мгновение замерла и затем тихо-тихо прошептала... Некоторые глаголы, например *засмеялся, закричал, услышал*, преимущественно понимаются как обозначающие целостное действие [Forsyth 1970: 42–43; Зализняк, Шмелев 2002: 216]: *Горький выслушал, засмеялся, повесил трубку* (А. Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской; Корпус¹⁷) $\approx$ *рассмеялся; Змея зашипела* и т. п. Причины этого очевидно прагматические – подобные действия обычно занимают краткий промежуток, на котором не может в норме разместиться неопределенно-длительное действие, так, чтобы успеть сообщить об этом действии, а оно бы все продолжалось и было бы неизвестно, когда оно закончится.

Различие между (1) и (2) проявляется в образовании императивов. Императивы от собственнo начинательных глаголов звучат странно, причем по чисто семантическим причинам: *Закричи! Засмейся! Забегай! Запой!* – формально вполне нормально, но странным является побуждение только начать действие. А как же с продолжением? Этот вопрос повисает в воздухе, и общий смысл побуждения остается неясным. Нормально здесь по понятным причинам *Замолчи!* – начало молчания ничем не отличается от его продолжения и не нуждается в притоке энергии для его поддержания. При этом соотносительный с *запеть* императив НСВ *Запевай!* употребляется в ситуации команды именно для побуждения к началу действия; почему здесь НСВ см. далее в разделе об императиве.

2.2. Тип 'Р → не Р' —прекращение некоторой ситуации. СВ этого типа также делятся на 2 группы, аналогичные (только зеркально противоположные) тем, что были выделены в типе 'не Р → Р'.

(1) Глаголы, обозначающие переход к не Р из конечной фазы действия или процесса. Нелексикализованными глаголами этого типа являются *кончить(ся) / закончить(ся), завершить(ся)*. Лексикализованными выразителями данного значения являются глаголы с приставкой *до* – (завершительный, или финитивный, способ действия): *докурить, допеть, дописать* и т. д. Помимо указания на то, какое именно действие завершается, глаголы этого типа включают дополнительный компонент в значение, а именно указание на то, что действие не просто прекратилось, но прекратилось в связи с исчерпанием объекта (*докурил*) или достижением результата (*допел, дописал, договорил* и т. п.). С многочисленными оговорками и уточнениями (которые мы здесь не будем делать) к этой группе в целом относятся глаголы движения *дойти, долететь, добежать, добраться, достичь* и т. д., обозначающие достижение конечного пункта (пункта назначения) движения и в связи с этим прекращение движения вообще или завершение какого-то этапа движения (в случае его продолжения): *дошел до дерева и пошел дальше*. При этом эти глаголы легко развивают «по смежности» значение целостного действия (от начала до конца), которое может быть охарактеризовано с точки зрения его продолжительности: *доехал / долетел / дошел / добрался до пункта назначения в 15.00* (окончание действия) / *за 2 часа* (действие в целом). Дальше всех на этом пути продвинулся глагол *добраться*, который, видимо в связи с отсутствием у основы значения движения и неясностью внутренней формы, образовал обозначающий процесс передвижения НСВ *добираться*: *Он добирался до места 2 часа*; впрочем, актуально-длительное значение он еще в норме выражать не может: **Он сейчас добирается до места встречи с нами*.

(2) Глаголы, обозначающие переход из Р (неопределенно-длящегося) к не Р: *прекратил(ся), перестал (стучать)*, лексикализованные глаголы: *Х разлюбил Y* = 'X любит Y → X не любит Y'; *X забыл Y* = #X помнит Y → X не помнит Y' (где соотносительные по виду глаголы супплетивны: *помнить – забыть*); *потерял из виду* (видит → не видит).

¹⁷ Корпус = Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.

Прекращающиеся С в этой разновидности могут быть узуальными (неактуальными) действиями и процессами: *Отговорила роуца золотая...* = 'говорила (узуально) → не говорит'; *отпел(ся)* = 'пел (узуально) → теперь не поет' и т. д., *перестал / бросил курить* и т. д.

* * *

Характерной особенностью глаголов возникновения и прекращения С является то, что между сменяющими друг друга С нет переходного «участка» (переход происходит, используя образ Ю. С. Маслова, «скачком» [Маслов 1984: 48]) и, соответственно, отсутствуют соотносительные по виду глаголы НСВ, обозначающие «прохождение» фрагмента мира через этот участок, рассматриваемые как наиболее типичные (прототипические) видовые пары к СВ: **Петя (постепенно) *полюбливает Катю / понимает, что он здесь лишний; *Он становится ходить перед ним; *Она становилась кушать* и т. д. Понятно, почему Существование и несуществование – это вопрос да или нет, по крайней мере в обычном языке нельзя «существовать в какой-то и во все увеличивающейся или уменьшающейся степени». Что касается глаголов *начать(ся)* и *кончить(ся)*, то они имеют парные НСВ особого типа: *Дождь начинается* означает, что дождь уже начался – всегда, когда можно сказать *Дождь начинается*, можно сказать и *Дождь начался*, потому что это говорится в ситуации, когда капли дождя уже падают, в противном случае мы скажем: *Дождь собирается*. Нельзя сказать: *Дождя еще нет, но он уже начинается*. Попросту говоря, это начальная фаза дождя, когда дождь еще слабый. НСВ этих глаголов обозначают прохождение ситуации (уже существующей) через начальную фазу, и говорится это тогда, когда эта начальная фаза характеризуется постепенным нарастанием интенсивности явления до тех пор, пока оно не войдет в свою устойчивую стандартную фазу. Аналогично, *кончается*: *Дождь кончается* – дождь в своей конечной фазе, характеризующейся тем, что он становится все более и более слабым; еще более это очевидно в: *У меня сахар кончается* – говорится, когда сахар еще есть, но его осталось мало. Аналогично: *Я сейчас заканчиваю свой новый роман; Иди обедать! – Сейчас, я уже кончаю писать письмо. Закончу и приду*.

Особняком здесь стоит глагол *закурить* единственный из всех имеющий стандартную актуально-длительную видовую пару *закуривать*. Это обусловлено тем, что между *не курить* и *курить* может быть достаточно длительный переходный период, в течение которого субъект каузирует начало курения (ищет спички, чиркает, подносит к сигарете...) [Зализняк, Шмелев 2002: 216]. Однако в той мере, в какой он есть, этот глагол выходит из рассматриваемой группы и переходит в трехситуативные глаголы действия (каузации некоторого действия / процесса), присоединяясь к *заводить / завести машину, включать / включить радио* и т. п.

2.3. Разновидностью типа 'не Р → Р' / 'Р → не Р' являются глаголы СВ, которые говорят о возникновении или исчезновении объектов в каком-либо фрагменте мира (переход от наличия / присутствия к отсутствию и наоборот): *появиться, исчезнуть, сгинуть, очутиться, оказаться* и т. п. *прибыть, убыть* и т. п.): *Тут оба разбойника сгинули, а вместо них появилась в передней совершенно нагая девица...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *А затем председатель, какой-то расслабленный, оказался на лестнице* (там же); *Лейтенант Иванов убыл к месту прохождения службы* и т. д. Такие глаголы также не имеют стандартных парных НСВ с актуально-длительным и, шире, неопределенно-длительным значением: ср. **На пороге постепенно появлялся Петя*. Причины здесь те же, что и выше. Постепенное появление непонятно что означает: если часть всадника уже видна на дороге, он показался / появился или не появился? Наверное, как только мы (мгновенно) опознали всадника, он появился, неважно, сколько из его фигуры видно. Наличие / отсутствие – это тоже вопрос да или нет, здесь нет переходной фазы.

Сложнее вопрос с глаголами «движения» типа *приехал, пришел, прилетел, уехал, ушел, улетел* и т. д. Здесь как будто 3 ситуации: 'X не в Z, X едет в Z, X в Z'. Однако «история» здесь иная, поскольку первые 2 ситуации объединены в значении в одну: '(X не в Z и (одновременно) X едет в Z) → X в Z', и, таким образом, здесь только две последовательные ситуации. Так или иначе, в коммуникативном фокусе здесь – 'появление', поэтому в русском языке это глаголы появления, поэтому здесь нет парного неопределенно-длительного НСВ: **Петя сейчас приезжает в Париж*. Поскольку переходной фазы здесь нет, формы НСВ сдвигаются в значении и начинают обозначать запланированное событие (почему-то исключая *приходит*): *Завтра он уезжает ≈ уедет /улетает, Завтра приезжает Петя*, с добавочным указанием, что это действие запланировано, т. е. в каком-то смысле уже началось (это то, что остается от настоящего времени НСВ, мотивируя его употребление). От этих глаголов принципиально отличаются глаголы типа *входит, выходит, выехал, выезжает* и т. д., которые имеют переходную фазу и состоят из 3 ситуаций, хотя обычно переходная ситуация очень краткая и от нее отвлекаются. Тем не менее, в принципе она есть, поэтому есть и глагол НСВ, обозначающий этот переходный этап, и можно сказать: *Как раз в этот момент я входил в комнату* (= пересекал границу между комнатой и внешним пространством).

2.4. Иной тип СВ образуют глаголы, обозначающие не возникновение или прекращение С, а изменение, переход одной позитивной С в другую, также позитивно характеризующую С (схематически '... Q → P ...'). Эти глаголы формально образованы от глаголов НСВ, обозначающих «итоговую», возникшую С (что дает основания объединить их с начинательными глаголами (точнее, глаголами типа 'не P → P') в одну группу) (см., напр., [Зализняк, Шмелев 2002]): *Петя заболел* = 'Петя здоров → Петя болен (болеет)'; *Петя выздоровел*; *Ребенок заснул /проснулся*; *Белье высохло* = 'Белье мокрое / влажное (содержит в себе влагу) → Белье сухое (не содержит в себе влаги)'; *Петя побледнел*; *Стемнело* и т. д., и т. п. Глагол *стать* также употребляется для обозначения такого перехода: *Умные все стали!* *После женитьбы Петя стал очень раздражительным* и т. д. ('Петя спокойный → Петя раздражительный'). Поскольку это переход от одной позитивной С к другой, в значении этих глаголов появляется этап перехода, соединяющий исходную и конечную С. От него можно отвлекаться, он может быть очень краток (*Петя внезапно побледнел*), тем не менее в принципе он есть, поэтому такие глаголы могут пониматься и как трехситуативные – содержащие в своем значении, помимо исходной и конечной С, некоторую опосредующую медиальную ситуацию перехода. Соотносительный глагол НСВ в этом случае обозначает процесс перехода и трактуется как парный к соответствующему СВ: *Стемнело* = 'Светло → Темнеет → Темно'. В подобном употреблении *стать* имеет пару *становиться*, которая может употребляться в неопределенно-длительном значении и в значении настоящего динамического: *Король из белого становится желт* (Маяковский. Блек энд уайт); ... *Как, еще один сын? – сказал Остап. – Это становится забавным* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

2.4.1. Интерпретационный характер категории вида ярко проявляется в многочисленных глаголах, обозначающих изменение положения дел в пределах одного и того же параметра: *повышать(ся) – по-высить(ся), увеличивать(ся) – увеличить(ся), усложнять(ся) – усложниться(ся), глупеть – поглупеть, худеть – похудеть* и мн. др., выделенных в качестве особого типа М. Я. Гловинской [Гловинская 1982: 86–89; 2001: 100–103] (*градационных* глаголах [Зализняк, Шмелев 2000: 57]). Если во всех предшествующих случаях исходное и конечное состояния были объективно различны – в смысле: соответствующие С зафиксированы как отдельные в рамках уже существующей картины мира (независимо от степени их реальной объективности и субъективности), обычно в виде слов и готовых словосочетаний (человек здоров – болен (для *заболеть* и *выздороветь*), жив – мертв (для *умереть* и *воскреснуть*), белый – желтый (для *пожелтел*, *становится желт*), худой и толстый (для *растолстеть*)), и тем самым достижение итогового состояния кладет объективный предел

переходу по самому определению перехода к данному С, – то в этом случае готовых состояний нет (= значение этих глаголов не содержит внутреннего предела), употребление СВ и НСВ всецело зависит от интерпретации положения дел Г. Интерпретация положения вещей как «того же» (НСВ) или как «не того же» (СВ) зависит и от того, какой именно фрагмент действительности мы вычленим, и от того, как мы его представим. Так, фрагмент ' $T_1 \rightarrow T_2$ ($T_2 > T_1$)' (Т – температура) представляет собой «цепочку» разных ситуаций и обозначается СВ: *Температура повысилась*. Если, однако, мы рассмотрим более крупный временной фрагмент, то может оказаться, что ' $T_1 \rightarrow T_2$ ' является лишь звеном неопределенно длящейся цепи: $\#...T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T_3 \rightarrow T_4... \#$, и эта ситуация является в каком-то смысле – и именно в этом смысле понимается НСВ – неизменной, поскольку в каждый последующий момент температура выше, чем в предыдущий. Поэтому мы можем сказать: *Ситуация не изменилась: температура повышается*.

Если в рассмотренных ранее типах то, что обозначается соотносительным глаголом НСВ, входило как часть («этап», один из этапов) в «историю», обозначаемую СВ (тем самым СВ семантически был сложнее НСВ, предполагал НСВ (или прилагательное), то в данном типе СВ и НСВ равноправны в этом отношении, взаимно обусловлены, взаимно предполагают друг друга. С одной стороны, если температура повышается, то она повысилась + повысилась+ повысилась... (хотя бы потенциально, в мысленной проекции [Падучева 1996: 117–118]). С другой, если температура повысилась (в течение какого-то периода времени, как бы он ни был короток), то она какое-то время внутри этого периода повышалась! Ср. иной взгляд: СВ проще НСВ, НСВ включает в свое значение СВ, поскольку глагол СВ выделяет только два момента, в которых признак имеет разное значение, тогда как глагол НСВ описывает целую последовательность моментов, в которых каждая пара характеризуется таким соотношением [Гловинская 1982: 88; 2001: 100–103]; с точки зрения Е. В. Падучевой, НСВ сложнее, поскольку включает в себя прогноз на будущее (т. е. что температура и далее будет повышаться) [Падучева 1996: 117–118]. Заметим, что последнее относится ко всем глаголам НСВ в неопределенно-длительном значении, предполагающим, что ситуация будет продолжаться какое-то (точно неизвестно какое) время и после момента наблюдения и описания данной С (см. выше). С логической и онтологической точки зрения СВ был бы проще (входил в состав НСВ), если бы процесс изменения, который отражают эти глаголы, был бы дискретен, т. е. был бы какой-то минимальный «скачок», неразложимый на более мелкие элементы (таковы, например, *моргать, кивать, стучать* и т. п.). Однако в случае данных глаголов это не так. Не имеют предела и поэтому также относятся к этому типу также наиболее общие глаголы перемещения *перемещаться – переместиться* – пространство как таковое, чистое пространство, в отвлечении от объектов, не имеет никакого предела и внутренних различий.

3. Значение СВ может состоять из трех последовательных ситуаций, «стадий». Два основных типа «трехзвенных» глаголов – это (1) глаголы, в которых исходная и конечная ситуации различны, и (2) глаголы, в которых исходная и конечная ситуации одинаковы, совпадают [Барентсен 1995: 10].

3.1. Тип ' $\text{не } P \rightarrow P \rightarrow Q$ '. Значение глаголов первой группы можно (чрезвычайно условно и упрощенно!) представить схематически как ' $\text{не } P \rightarrow P \rightarrow Q$ '. Упрощенность этой схемы заключается, в частности, в том, что на первом этапе отсутствует не только Р, но и Q, далее, этот этап может быть не чисто отрицательным (характеризоваться отсутствием Р и Q), но иметь какую-то положительную характеристику (R), наконец, на заключительном этапе не просто имеет место Q, но не имеет место Р и, если оно имело место, R. Поэтому более полная (но менее наглядная) схема будет: ' $\text{не } P / \text{не } Q / R \rightarrow P \rightarrow Q / \text{не } R / \text{не } P$ '.

В этом значении чрезвычайно важное место занимает обязательная средняя, «медиальная» фаза, представляющая собой переход от исходной к конечной С [Сильницкий 1983]. Эта «медиальная» фаза является здесь, в отличие от глаголов изменения состояния, описанных

выше, обязательной, от нее невозможно отвлечься, поскольку существо события конституируется не только соотношением начальной и конечной ситуаций, но также и этой динамической «серединной» фазой, к которой «прикреплены» исходное и конечное состояния. Когда мы представляем, например, *Иван упал* = 'Иван стоит / идет / бежит (находится в вертикальном положении) – Иван падает – Иван лежит', то у нас в уме возникает специфический динамический образ перехода объекта от более высокого вертикального положения к более низкому положению («падения»), который прекращается в результате контакта с какой-то поверхностью. И здесь мы никак не можем отвлечься от этого перехода и его специфики, поскольку он составляет существо данного события: если мы видим только исходную С и конечную С: 'Петя стоит ... (затем) ... Петя лежит', то мы вообще не сможем никак назвать это событие: *упал? лег?* Медиальная фаза может быть более или менее конкретна, так, в *упал, положил книгу на стол, оделся, разделся, нарисовал картину* и т. п. медиальная фаза представляет собой конкретное действие, которое может быть «опознано» по его воспринимаемым физическим характеристикам; менее конкретна медиальная фаза в *открыл дверь*: открыть дверь можно невообразимым количеством разнообразных физических действий: потянув рукой за ручку, толкнув ее, повернув ключ и потянув, ударом ногой, головой, спиной, с помощью дистанционного пульта управления, приложением пальца к сенсорному устройству, заклинанием (*Дверь, откройся!*) и т. п., в то же время есть прототипические способы открывания двери, в случае которых можно опознать это действие в его «протекании»; наконец, абсолютно неконкретна медиальная фаза в (*случайно*) *разбудил ребенка* и т. п., тем не менее, она есть: 'Ребенок спит – Х что-то делает / сделал, в результате чего – Ребенок не спит'. «Медиальная» фаза в значении этих глаголов как раз и представляет собой «целостное действие», в обозначении которого многие авторы видят специфику СВ. «Целостное» оно в том смысле, что оно ограничено «пределом» с обеих сторон: сначала действия не было, затем оно какое-то время имело место и затем прекратилось¹⁸. (Физически, впрочем, действие может и не прекращаться, однако оно, по определению, прекращается как такое, которое ведет к итоговой С.)

С точки зрения характера «перехода», все глаголы этого вида можно разделить на 2 типа (между которыми, как почти всегда в языке, нет резкой границы). Это глаголы, включающие в значение более или менее длительную медиальную фазу – *построить дом, написать письмо, свеча сгорела* и т. п. (схематически 'не Р → ...Р ... → Q'), – и глаголы «мгновенного перехода», «скачки» (используя образ Ю. С. Маслова): *уронил книгу, разбил стакан, стакан разбился, упал* и т. п. ('не Р → Р → Q').

Наличие переходной, медиальной фазы в значении обуславливает особое место этих глаголов в аспектуальной системе с точки зрения видовой соотносительности (парности). Большинство этих глаголов имеют соотносительные глаголы НСВ, обозначающие эту медиальную фазу, при этом соответствующие пары СВ и НСВ традиционно рассматриваются как эталон видовой парности, как наиболее бесспорные видовые пары с точки зрения противопоставления (в традиционных терминах) «действие в его развертывании, протекании – действие, достигшее результата (целостное действие)». Это, например, *копать – выкопать (яму), писать – написать (роман), одеваться – одеться, свеча горит – сгорела* и т. п. Возможность употребления и тем самым само наличие парного НД НСВ, обозначающего медиальную фазу, очевидно связано с длительностью переходного периода. Понятно, что чем более краткий переход между С, тем труднее употребить соответствующий НСВ для обозначения неизменного, однородного этапа в этом переходе. Так, например, *войти в квар-*

¹⁸ Прошедшее время в толкованиях СВ здесь и далее условно, оно не означает, что действия обязательно относятся к прошлому. Начало и конец действия могут относиться к прошлому, могут относиться к будущему, а также может быть и так, что действие началось в прошлом, а окончится в будущем: *Сейчас оденусь!* [Виноградов 1947: 574]

тиру, зажечь свет, сесть в кресло, включить телевизор и т. д., несмотря на краткость перехода, способны иметь неопределенно-длительный (актуально-длительный) НСВ [ср. Зализняк, Шмелев 2001: 57]. Однако его употребление в настоящем времени уже невозможно по объективным, прагматическим причинам – этап неизменного перехода должен быть более длительным, чем время сообщения о нахождении объекта на этом этапе, поэтому *Я вхожу в комнату, сажусь в кресло, зажигаю свет, включаю телевизор* автоматически понимаются в событийном значении НСВ (настоящее динамическое). В прошедшем времени и в будущем, где такого ограничения нет, актуально-длительный НСВ от этих глаголов возможен: *В тот момент я как раз включал телевизор / входил в комнату* (из чего, кстати, следует, что слово *момент* тоже может пониматься как интервал, только очень короткий). Однако там, где переход действительно моментальный, НСВ невозможен: *Я положил книгу на стол – *Я в тот момент клал книгу на стол*. Событие *положил* конституируется только моментом контакта объекта с поверхностью; аналогично в норме *разбил* (хотя тут можно представить ситуацию, когда субъект какое-то время бьет по объекту молотком, имея целью его разбить; однако и в этом случае нормально сказать *бьет, колотит*, но не **разбивает*, поскольку само событие конституируется только последним «разбивающим» мгновенным ударом, в результате которого объект распадается на куски).

С точки зрения наличия в значении длительной медиальной фазы и, соответственно, наличия парного НД НСВ важно различие между (а) контролируемыми событиями (*написал, сел, вошел* и т. д.), т. е. событиями, происходящими по воле и замыслу субъекта, а также неконтролируемыми закономерными событиями, т. е. такими, где переход из начальной фазы в фазу действия закономерно ведет к достижению конечной С (так, если свеча начала гореть, то это, если не помешает какая-либо случайность, в конце концов приведет к тому, что свеча перестанет существовать (*Свеча сгорела*))¹⁹, с одной стороны, и (б) случайными событиями, происходящими хотя и в результате действий субъекта, но не по воле, выбору, а иногда и против воли, выбора субъекта, а также не в соответствии с какой-либо закономерностью, с другой. Так, *Иван разбил стакан, разбудил ребенка, испортил телевизор* могут пониматься и так, что он сделал это по своей воле (тогда это контролируемые Р), и так, что это произошло не по его воле, случайно. В то же время есть глаголы, в которых свойство «случайности» лексически фиксировано: *Иван задел рукой стол / уронил стакан / проговорился / поскользнулся / простудился / проиграл матч / потерпел поражение / промахнулся; Шел в комнату, попал в другую* (Грибоедов); *Делал швейную машинку, а получился / вышел пулемет* и т. д.

Если СВ, обозначающие контролируемые или закономерные события, могут иметь длительную медиальную фазу, то глаголы СВ, обозначающие случайные события, происходящие не по воле или против воли субъекта, всегда «мгновенны» (происходят «скачком»), они не включают медиальной фазы, и, соответственно, не могут иметь соотносительных НД НСВ, обозначающих эту фазу. Так, являются парой контролируемые *будил – разбудил ребенка*, но если субъект долго искал что-то в шкафу и в результате разбудил ребенка, то нельзя сказать, что он его *будил* (**В это время я случайно будил ребенка*). Сколько бы Петя ни копался в телевизоре с целью его починить, если этот этап привел к тому, что он его испортил, мы не скажем, что Петя портил телевизор и испортил его. Нет, он его ремонтировал, но случайно испортил! *Я порчу телевизор* – или неправильно, или понимается как контролируемое – 'специально'. Всегда контролируемое *сделал* рассматривается как видовая пара с *делает*, но неконтролируемое *наделал*, обозначающее событие, происходящее как случай-

¹⁹ Заметим, что (полная) контролируемость – это тоже вид закономерности, поскольку эта идея основывается на наблюдении, что данное событие происходит всегда, когда и если субъект актом своей воли выбирает его сделать, поэтому если субъект в очередной раз выберет его сделать, то оно (закономерно) произойдет.

ный, незапланированный отрицательно оцениваемый результат того, что субъект делал – *Что я наделал?! Я погиб!* (В. Маяковский) – уже не понимается как парный к *делать*. *Произошло* имеет актуально-длительную пару *происходит* только при обозначении контролируемых событий; так, на вопрос: *Что здесь происходит?* нельзя ответить *Пожар /Наводнение*, а вот *Ограбление /Встреча с депутатом/ Советание* – нормально! Не имеет НД НСВ глагол *случиться*, по самому своему значению всегда обозначающий неконтролируемое случайное событие: **Что здесь сейчас случается?* Причины этого в том, что именно наличие замысла субъекта, направленного на реализацию контролируемого события, или иной зафиксированной умом закономерности, позволяет интерпретировать данное действие (процесс) как ведущее к итоговой С и тем самым включить представление о нем в качестве медиальной фазы в состав обозначаемого глаголом события. Если итоговая ситуация не контролируется субъектом и возникает случайно, то мы не можем интерпретировать данное действие как ведущее к итоговой С, просто потому, что случайное событие может произойти, а может и не произойти! Поэтому мы можем «зафиксировать» изменение, возникновение итоговой С только в тот момент, когда оно реально произойдет, и обозначить его только посредством моментального СВ, включающего в «кадр» значения только само непосредственное событие изменения.

Заметим, что аналогичная ситуация с глаголами СВ, в значении которых лексически фиксирована частотная вероятность – рюемость, т. е. обозначающими такие события, в случае которых выбор субъекта их совершить является необходимым, но не достаточным условием, поскольку в реализации события всегда играет роль и случай, поэтому когда субъект выбирает сделать такое Р, то оно иногда происходит, а иногда нет (подробнее см. [Шатуновский 1996: 191–194]). Таковы, например, *победить, одержать победу, выиграть, покорить (народ, вершину, Северный полюс), совершить (что-то выдающееся, например, открытие), открыть неизвестный ранее закон природы, достичь (вершины, успеха)* и т. д. Так, человек (в норме) всегда выбирает и старается выиграть партию в шахматы, но для этого нужно всегда и везение, поэтому когда он *играет*, это не ведет закономерно к *выиграл*, потому что то же действие ведет, в зависимости от разных случайностей, и к *проиграл*. Поэтому такие глаголы также не имеют соотносительных НД НСВ: *Что ты сейчас делаешь?* – **Выигрываю партию / *Совершаю открытие; *Вчера я весь день достигал вершину горы, но так и не достиг*, – и являются моментальными (ведущая к достижению результата деятельность не интерпретируется как часть события)²⁰.

Примечание. В работе [Зализняк, Шмелев 2000] (вслед за [Маслов 1984: 48–49]) фактически как частично контролируемые рассматриваются глаголы СВ и НСВ, образующие видовую пару по линии «попытка – успех»: *решать – решить задачу, сдавать – сдать экзамен, ловить – поймать* и т. д., в которых достижение результата отделено от усилий субъекта «вероятностной гранью», зависит отчасти и от удачи [с. 56–57]. Заметим, что в философском смысле любое действие отделено от результата вероятностной преградой – даже открыть глаза и пошевелить рукой человек иногда бывает не в силах. Однако в лексической семантике этих глаголов признак частичной контролируемости не фиксирован. Для выдающегося математика решить задачу для 3 класса – полностью контролируемое действие, в то же время для него, может быть, сварить борщ или

²⁰ См. и ср. классификацию событий З. Вендлера [Vendler 1967: 97–121], включающего события описываемого типа в класс моментальных событий – «достижений» [р. 104], однако не задающего естественным вопросом: почему, собственно, в этих случаях ведущий к «достижению» длительный этап контролируемых действий не интерпретируется как часть этого события?

построить дом (действия, включаемые авторами в иной тип) – действия с вероятностным исходом. Таким образом, частичная контролируемость ситуаций не является признаком, определяющим приложимость этих глаголов к событиям действительности, т. е. не является собственно семантическим признаком. В то же время в значении слов типа *достичь* этот признак фиксирован в семантике (определяет их референцию): они применяются только в тех случаях, когда достижение результата является частично контролируемым, с одной стороны, с другой – их приложимость к ситуации информирует о том, что ситуация находится лишь под частичным контролем субъекта.

3.2. Тип 'не Р → Р → не Р'. Другим чрезвычайно распространенным типом СВ (группой типов, супертипом) является тип 'не Р → ... Р ... → не Р'. В случае таких глаголов между исходной и конечной С «нет ощущаемых различий» [Барентсен 1995: 10], серединное действие не приводит к какому-либо изменению в мире, и конечная С (с определенными оговорками) совпадает с исходной С. Основное разграничение, которое здесь имеет смысл провести, это разграничение между (1) глаголами, обозначающими «целостное» действие, ограниченное с двух сторон тем или иным «естественным» пределом, и (2) глаголами, обозначающими действие, ограниченное только временными рамками (см. 3.3; 3.5).

Глаголы, относящиеся к типу (1), чрезвычайно разнообразны. В нее входят, в частности, СВ реверсивного (туда и обратно) движения: *съездил, сходил, слетал, сбегал, посетил* (= приехал, побыл и уехал); *побывал* (*Х побывал в Англии* = 'Х не в Англии – Х в Англии – Х не в Англии') – особый глагол, лишь имплицитно подразумевающий передвижение, аналитические глагольные выражения *нанес визит, совершил поездку*, и т. д. Предел действию здесь кладется замыслом субъекта, имеющего целью достичь того или иного пункта и затем вернуться обратно. Заметим, что возвращение в исходное С здесь (и во всех других случаях далее!) не означает, что у действия нет никакого иного результата, что в мире в полном смысле ничего не изменилось. Разумеется, изменения всегда есть: тот, кто сходил в магазин за хлебом, тот купил и принес хлеб, и даже если он вернулся с пустыми руками, то он узнал, по крайней мере, что магазин в это время закрыт. Более того, всё, что человек ни делает, он делает с какой-то целью и, завершив действие, достигает или не достигает цели (результата), и даже если он не достигает запланированного результата, то все равно какие-то последствия всего, что ни делается, всегда есть. Однако информация об этом не включена в значение данных глаголов. Для того, чтобы предложение *Петя сходил в магазин* было истинным, необходимо, чтобы Петя сначала пошел из того места, где он находится, в магазин, достиг его, а затем вернулся обратно – и более ничего.

Соотносительные НД НСВ *ходить, летать, бегать* и т. д. не являются неопределенно-длительной парой к данным СВ, поскольку их неопределенно-длительное значение – 'двигаться в разных направлениях (постоянно меняя направление)' – очевидно не является мотивирующим для данных СВ. Зато эти СВ соотносительны с этими НСВ в их кратном значении, в котором они обозначают повторяющееся действие: *Он каждое утро / иногда / регулярно / каждый год ходит в магазин / бывает в Англии / посещает родственников / наносит визиты знакомым* и т. д. *Сходил, съездил, посетил* и т. д. как раз и обозначают подобный единственный реверсивный акт.

Другая распространенная группа – глаголы, обозначающие замкнутое в себе, самодостаточное действие: *искупался* (ср. близкий к нему результативный СВ типа 'не Р → Р → Q' *вымылся*, где в значении фиксирована цель, после ее достижения становящаяся результатом – 'мылся с целью стать чистым и стал чистым'), *пообедал, поужинал, позавтракал, погадал, принял ванну, принял душ, провели собрание / встречу / конференцию, сыграл (партию в шахматы)* и т. д. Для этой группы непросто сформулировать, в чем же заключается (интуи-

тивно ощущаемый) «предел» для этих действий, после достижения которого они естественным образом прекращаются. Заметим, что и здесь никакое внешнее по отношению к действию изменение в мире (достижение какой-то цели, которую преследует субъект, выполняя действие) не является его пределом. Так, обычной целью и, соответственно, результатом для *пообедать* является 'насытиться, утолить чувство голода'. Однако эта цель (результат) не включена в значение глагола, не определяет его референцию. С одной стороны, человек может обедать просто для того, чтобы не умереть с голоду, потому, что это положено делать, по привычке, ради исполнения ритуала (деловой, праздничный обед), для удовольствия и т. д., и т. д., или сразу для многих целей. С другой стороны, человек может завершить обед (*пообедать*), но при этом не насытиться. Поэтому такой ограничивающей эти действия «рамкой» является что-то вроде известного и общепринятого «сценария» (часто достаточно размытого и вариативного) этих действий, своего рода «программы» действия, представление о которой заложено в значении этих глаголов. Это очевидно в случае проведения каких-либо мероприятий типа *конференции, собрания, встречи, заседания* и т. п., которые обычно заранее планируются и часто имеют эксплицитную программу (повестку дня). Однако в имплицитном виде что-то вроде заранее известной «программы» имеется и в других случаях. Так, сценарий *принятия ванны* (в релевантном для нас видовом аспекте) сводится, в общих чертах, к тому, что человек добровольно погружается в ванну с водой (то, что он при этом обычно раздет и погружен большей частью тела в воду, а не, например, стоит в воде по колено, также важно для приложения этого выражения, но к видовой семантике не относится), находится там некоторое время, затем также добровольно, по своему выбору вылезает из ванны. При этом, хотя продолжительность времени нахождения в ванне точно не определена, оно все-таки не любое, но ограничено некоторыми (с вариациями) пределами. Так, если субъект погрузился в воду и тут же из ванны выскочил – это не называется *принять ванну*, «сценарий» не выполнен, действие прекращено, не достигнув «предела». Аналогично в противоположной ситуации: если субъект находился в ванне 10 часов, или сутки, или более, и только потом ее покинул – это также не соответствует «пределам», заложенным в представление об этом действии и не может быть названо *принял ванну*. Аналогично с обедом, предполагающим в каждом конкретном случае какое-то «запланированное» количество и объем поглощаемых блюд. Эта «программа» может варьироваться, но в каждом конкретном случае она существует. Так, если человек обычно съедает на обед первое, второе, десерт и выпивает в заключение чашку кофе, то нельзя сказать, что он *пообедал*, если он вынужден был уйти после первого блюда, и даже если он только чашку кофе не успел выпить, и то сказать о нем *Он пообедал* проблематично, скорее мы скажем: *Он ушел, не закончив обед*. Аналогично, *погадал* (имеется стандартная программа, сценарий и продолжительность гадания) и т. д. Заметим, что эти СВ и соотносительные с ними неопределенно-длительные (актуально-длительные) НСВ, обозначающие медиальную фазу, – *обедать, купаться, принимать ванну, гадать* и т. д., – среди всех видов пар (повторим, во избежание недоразумения, речь идет о противопоставлении «действие в его развертывании, течении – целостное действие») наиболее «тождественны» по значению. Так, в описанном выше типе 'не Р – Р – Q' глагол НСВ, описывающий медиальную фазу, с денотативно-семантической точки зрения резко отличается от соотносительного СВ: одно дело стремиться к цели / результату, и совсем другое – этого результата достигнуть! Поэтому естественно рассматривать их как парные по виду [Тихонов 1998: 54–56].

Близки к описанной выше группе глаголы *прогуляться, пройтись* и т. д. Отчасти они похожи на глаголы реверсивного движения, поскольку обычно субъект возвращается в исходную точку. Но это не обязательно, это не определяет их референцию. Можно *прогуляться* по пути куда-нибудь, так, чтобы потом никогда не вернуться в исходную точку. В значении этих глаголов заложена некоторая, хотя и размытая, цель: = 'получить удовольствие,

отдохнуть, размять мышцы...» (А. Д. Шмелев, лекция, Дубна, 2006) (при этом *поездка* явно шире: она может быть развлекательной, ознакомительной, экскурсионной, деловой, может иметь целью религиозное поклонение и т. д.). Однако это не та цель, достижение которой обозначает глагол СВ. Эта «цель» и «результат» достигаются непрерывно в ходе совершения срединного, актуально-длительного действия. *Гулять, прогуливаться* делаются также для удовольствия, СВ ничего нового не вносит. Он только обозначает целостное действие, с началом которого начинается получение удовольствия, которое продолжается «равномерно и непрерывно» в ходе совершения соответствующего действия и заканчивается с его завершением, при этом никакой иной результат не выражается (хотя он, конечно, может и быть). Таким образом, и здесь пределы действия определяются некоторой предварительно наметенной субъектом программой этих действий.

Примыкает к этой группе огромная группа глаголов, которую можно довольно условно назвать «глаголами исполнения». От предшествующей группы они отличаются эксплицитностью «сценария», «программы». Это, например, *спел (песню), рассказал/отбарабанил (стихотворение); отработал; Слуцкая откатала свою программу; Артист исполнил номер / показал фокус; показать фильм (по телевизору), отдежурил, отсидел (срок), отработал, отслужил; Первый тайм мы уже отыграли* (из песни) и т. д. Такой своего рода программой является текст стихотворения, слова и музыка песни, расписанный до мелочей сценарий фокуса, номера, выступления и т. д. Что касается *отдежурил* и т. п., то здесь пределы действия определяются установленным заранее правилами законом, приговором и т. п. сроком (временем) дежурства, службы в армии, отсидки в тюрьме, игры. Сюда же относятся глаголы «восприятия исполнения»: *просмотрел, посмотрел (фильм), прослушал новую запись; в прочитал книгу* совмещаются восприятие и тем самым исполнение произведения. Разнообразием этой группы являются многочисленные глаголы речи и речевых актов, обозначающие «исполнение» говорящим законченного речевого произведения: *сказал, произнес, прошептал, проговорил, пробормотал, пообещал, посоветовал, намекнул, польстил*, и т. д., и т. п. Ср. *сказал, что...* с результативным *сообщил* – 'сказал с целью, чтобы адресат знал, что Р, и достиг цели: адресат знает, что Р'. В *сообщил* заложена информация о цели / результате, и если говорящий не достиг этой цели, то нельзя употребить *сообщил*. *Сказал* с прагматической точки зрения практически эквивалентно *сообщил*, однако здесь остается неизвестным, воспринял ли адресат переданную информацию, = произошло ли внешнее по отношению к данному действию изменение в мире. Подчеркнем, что хотя *пообещал, что Р* вроде бы имеет результат: субъект связан обещанием и обязан выполнить Р, однако это связано не с СВ, а со спецификой речевых актов как таковых: произнесение этих слов влечет определенные последствия, при этом эти последствия вызываются произнесением перформатива в НСВ: *Я обещаю, что...*, т. е. это явление иного, более высокого уровня, собственно *пообещал Р* значит только: *сказал: «Я обещаю, что Р»*, = 'произвел акт обещания'. К глаголам речи примыкает важный глагол *подумал* – 'произвел мысленный акт', что-то вроде 'сказал сам себе в уме'.

Как отмечалось выше (см. 2.1), в группу «целостных действий» типа 'не Р – Р – не Р' попадают во вторичном употреблении некоторые глаголы, первично обозначающие переход к новой С (тип 'не Р → Р'): *засмеялся, услышал, зашипел, почувствовал* и т. д.

Особняком стоит важный глагол *посмотрел* – 'устремил взгляд на., смотрел некоторое стандартное время, достаточное для того, чтобы воспринять то, что нужно, или передать некоторую невербальную информацию посредством взгляда, и отвел взгляд, перевел взгляд на другой объект'.

Наличие длящейся какое-то время однородной срединной фазы отличает перечисленные выше глаголы от глаголов «мгновенного действия». В значении этих СВ «история» фрагмента мира спрессована в очень короткий интервал, образно говоря, «мгновение». Это *мигнуть (подмигнуть, моргнуть)* = 'Глаза открыты – Глаза закрыты → Глаза открыты'; *кив-*

нуть, плюнуть, ударить, поцеловать, стукнуть, блеснуть, вскрикнуть, вздрогнуть, потянуться, коснуться, дотронуться, пошевелиться / шевельнуться, коснуться, потянуться, поморщиться и т. д. [ср. Dahl 1974: 33].

Такие глаголы не могут иметь соотносительный НД НСВ, обозначающий внутренний этап перехода, в силу мгновенности / краткости события, в котором человеческое восприятие не может выделить достаточно длительный этап однородной С. Однако некоторые из них, а именно такие, которые реально часто повторяются – имеют соотносительный актуально-длительный НСВ, обозначающий однородную неизменную длительность более высокого порядка, образованный повторением актов, каждый из которых соотносителен с СВ: *моргнул – моргает* = '...моргнул + моргнул + моргнул...', *подмигнул – подмигивать*, *ударил – бьет*, а также, с дополнительными отличиями в значении НСВ, *шевелится, дрожит, стучит* и т. п.

3.3. Ограничительные глаголы. Чрезвычайно важный класс глаголов типа 'не Р → Р → не Р' в русском языке образуют глаголы так называемого «ограничительного» (делимитативного) способа действия (*поспал, полежал, почитал* и т. д.), обозначающие действие, которое началось, продолжалось некоторое (сравнительно недолгое) время, и затем прекратилось: *Х поспал* = 'Х не спал; затем некоторое время (сравнительно недолгое) Х спал; затем (теперь) Х не спит'. В отличие от всех других типов СВ глаголы этого вида не имеют «внутреннего предела», «пределы», рамки действия исключительно внешние, чисто временные, т. е. не связаны с характером самого действия и не предопределены заранее. Действия, как они представлены в ограничительных СВ, не направлены на достижение какой-то цели, которая положила бы предел действию в случае ее достижения, не имеется здесь и никакого заранее данного «сценария», программы, которая бы предопределяла завершение действия после ее выполнения. Заметим, что компонент 'небольшой (промежуток времени)' вытекает из неопределенности этого промежутка, = наличия в семантике квантора 'некоторый', который предполагает, что количество объектов, имеющих данный признак, составляет меньшую часть квантифицируемого множества (*Некоторые ученики написали контрольную на отлично* – значительно меньше половины). Для того, чтобы какая-то часть целого могла быть представлена как неопределенная, должна быть возможность, чтобы эта часть занимала разные участки в составе этого целого, а для того, чтобы обеспечить достаточное с прагматической точки зрения различие этих возможных положений – чтобы не было так, что они в основном совпадают, – эта часть должна быть значительно меньше целого. Поэтому *Он поспал* значит 'гораздо меньше, чем стандартная продолжительность сна, т. е. восемь часов'. Чем ближе к восьми часам, тем хуже звучит *поспал*. В других случаях эта имплицитная норма более расплывчата, тем не менее, она присутствует. Поэтому *попереводил статью* всегда значительно меньше того времени, которое заняло бы *перевел, посмотрел телевизор* – какую-то сравнительно небольшую часть вечера, и т. д. Подчеркнем, что речь идет об относительной величине промежутка времени, занятого действием, ср.: *Он отслужил в армии, поработал (несколько лет) на заводе, затем поступил в институт, после его окончания до самой пенсии работал в конструкторском бюро*, где работа на заводе продолжалась короткий срок сравнительно с общим «трудовым стажем».

Ограничительные глаголы являются чрезвычайно продуктивным классом глаголов, при этом их продуктивность продолжает расти. В то же время имеются определенные ограничения на образование этих глаголов. Ограничительные СВ стандартно образуются от НСВ, обозначающих гомогенные (однородные) процессы и деятельности (действия) (*сидеть – посидеть*) [Мелиг 1995; 2006 и др.]. В настоящее время производящая база ограничительных СВ расширяется за счет глаголов, обозначающих целенаправленные действия; в этом случае ограничительные СВ «вычленяют» в действии однородный участок, на котором достижения цели не произошло: *попереводил статью, пополивал цветы, попахал землю*

и т. д. Понятно, почему: если достижение результата включено в значение, то это будет уже другой СВ – результативный (типа 'не Р – Р – Q'). Далее, обычно такие СВ обозначают контролируемые деятельности: *Когда ж постраниствуешь, воротись домой, И дым отечества нам сладок и приятен* (А. С. Грибоедов); *Посидел, погулял, посмотрел телевизор* и т. д., *Он постоял немного*, но не ?*Стол постоял в углу* (см. об этом [Флайер 1997]). Однако, хотя и реже, такие СВ образуются и от глаголов, обозначающих неконтролируемые процессы [Булыгина 1983: 37; Мелиг 1995: 143], например: *Дождь поморосил и перестал; Зуб поболел и перестал/выпал; Дождь покапал и прошел* (Маяковский); *Два шара вошли в лузу, третий покрутился и замер* (пример из [Dickey 2006: 3]), а также, отчасти, *поспал* – в норме контролируется только со стороны начала. Предпочтительность контролируемых действий очевидно связана с экстралингвистическими факторами: поскольку пределы действия здесь не вытекают закономерно из характера самого действия, они тем самым произвольны, а произвольные границы, по определению, устанавливаются актом воли, выбором субъекта [Флайер 1997: 45]. Тем самым объясняется, почему действие началось и кончилось: субъект захотел – и начал действие, потом захотел – и кончил. Что касается прочих действий, то здесь часто возникает своего рода экстралингвистическая загадка; отсутствие ответа на нее делает пример странным: **Ручеек пожурчал*; **Будильник позвенел*; **Больной побредил*. Для звонка будильника есть свой «сценарий» – завод будильника или, в современных часах, собственно программа, определяющая продолжительность звонка; такая программа обычно выполняется полностью, достигая предела (*Будильник прозвенел*), почему здесь выполнена только «часть» звонка? Непонятно и требует объяснений. Что касается ручейка, то он обычно неопределенно-длительно журчит и журчит, не переставая; что это за странный ручеек, который вдруг начинает, а затем непонятно почему прекращает течь? Аналогично с бредом, который обычно бывает продолжительным (*Больной бредил всю ночь*), а что здесь случилось? Однако если неконтролируемый процесс в действительности бывает ограниченно-длительным, то он может быть обозначен ограничительным СВ. С дождем так бывает, что дождь идет только небольшое время, не дотягивая до продолжительности стандартного дождя. Характерно, однако, что здесь в норме требуется дополнительная поддержка фазовых глаголов, указывающих на окончание действия, таковы *перестал, прошел, замер* в примерах выше. (В случае контролируемых Р их употребление невозможно: **Он посидел и перестал / кончил / прекратил сидеть*. Однако возможно: *Он порисовал* (узуально) и *бросил* (интерпретацию последнего примера см. далее).

В последнее время неоднократно отмечалось, что ограничительные глаголы втягиваются в видовое противопоставление с производящими НСВ и начинают образовывать с ними чистовидовые пары. Как пишет Е. В. Петрухина, «глаголы деятельности с приставкой *по-* в русском языке могут выражать достижение частичного результата, вызывающего окончание действия в данной ситуации», что обуславливает «приближение делимитативов, образованных от целенаправленной деятельности к видовым коррелятам» [Петрухина 2000: 187]; аналогичные наблюдения и выводы в [Dickey 2006; Зализняк, Шмелев 2000]. Как представляется, здесь нужно различать три разных вопроса.

(1) Первый вопрос, – скорее терминологического характера, – это – можно ли рассматривать соотносительные НД НСВ и ограничительный СВ глаголы как (чисто) видовую пару? Ответ: почему бы и нет? Высокая регулярность, продуктивность и стандартность этих пар вполне дает основания для этого. Кроме того, СВ и НСВ в этих парах, подобно *пообедал – обедал, погадал – гадал, посмотрел – смотрел (фильм)* и т. п. чрезвычайно близки по лексическому значению.

(2) Другой вопрос – это вопрос о том, входит ли в значение этих глаголов информация о цели, эффектах, результатах, последствиях совершаемых действий. Так, согласно наблюдениям С. М. Дики, делимитативные глаголы в русском языке играют гораздо более важную

роль, чем это принято считать, поскольку они не просто обозначают неопределенно длящееся некоторое время действие, но приобретают различные «результативные» смыслы, специализируясь, в отличие от «целенаправленных» СВ, на выражении «косвенных последствий» этих действий, в результате чего расширяется область видовой парности [Dickey 2006]. По этому поводу можно повторить то, что было сказано о значении глаголов целостного действия типа *съездить, сходить, прогуляться* и т. д. выше. Всё, что человек ни делает, он делает с какой-то целью – это аналитическая истина, следующая из самого определения контролируемых действий. Постольку, поскольку ограничительные СВ обозначают контролируемые действия, то есть начинаются и прекращаются по выбору субъекта, они всегда имеют какую-то цель, иначе субъект не начал бы их делать, и очень часто прекращаются именно потому, что эта цель достигнута. Эта цель очень часто эксплицируется в контексте: *Посидел минут десять, отдохнул и пошел* – 'посидел, чтобы отдохнуть'; *Он лег в постель, повернулся немного с боку на бок (устраиваясь поудобнее) и заснул*; *Пошатался по городу, послушал, что люди говорят о вчерашнем происшествии* – *пошатался* для того, чтобы в ходе этого *послушать*, а *послушать* – ясно для чего: получить информацию. Особенно такое указание на цель (обоснование побуждения) характерно для императива: *Илюша, поддержи* [крышку дивана], *я сапоги уберу*; *Посиди с Машей (ребенком), пока я в магазин сбегая*; *Посвети в угол, я уронил ключи*. Однако то, что такая цель есть, является особенностью самих действий в действительности, эта цель и ее достижение не входит в значение глагола, они не обозначаются по цели или по последствию (как, например, (случайно) *разбил вазу*) [ср. Князев 2005: 47]! Трудно даже вообразить все возможные цели и, соответственно, эффекты, последствия, которые могут иметь *посветить, посидеть, поддержать, постоять* и т. д. (*постоял* – чтобы отдохнуть / подумать / выбрать правильное решение / посмотреть на что-либо внимательно / дать себя догнать / прийти в себя после потрясения и т. д., и т. п.).

С другой стороны, часто цель действия совершенно неясна (хотя она заведомо есть!); так, в *Иван подошел к окну, постоял немного, затем повернулся и пошел к двери* остается неизвестным, почему он некоторое время стоял в неподвижности, но это ничуть не препятствует употреблению ограничительного глагола.

(3) Наконец, третий вопрос – это могут ли экстралингвистические, ситуативные представления о целях, эффектах, последствиях и других особенностях действий, обозначаемых (первично) ограничительными глаголами, «втягиваться» в их значение, формируя тем самым новое значение и выводя их за пределы собственно ограничительного типа? Разумеется, это возможно; вообще, именно процесс «обогащения значения признаками денотата» (см. Введение) является, по-видимому, основным источником формирования новых значений в языке. Подчеркнем, что представление о «внутреннем пределе», возникающее в (первично) ограничительных глаголах и переводящее их в разряд собственно «предельных» глаголов, происходит не только в результате «обогащения» значения представлением о цели / результате действия, но также – и чаще – в результате закрепления в значении представления о «сценарии», программе данного действия, чему способствует то обстоятельство, что между ограничительными глаголами (с чисто временными пределами) и глаголами, предел которых задается имплицитной «программой», сценарием (типа *искупаться, пообедать, погадать*) исходно очень тонкая грань. Так, *погадать* может быть с равным правом отнесено к обоим типам; чрезвычайно тонкое различие между двумя разными *погадать* определяется тем, имеется ли некоторая более или менее стандартная «программа» (по содержанию и длительности) гадания, которая и выполняется, или же субъект ограничивает действие произвольно – надоело ему гадать, он и бросил.

Чем более представление о цели или «программе» «срастается» с действием, чем типичнее эта цель / программа, чем чаще в реальности действуют с этой целью / по этой «программе», тем в большей степени «сгущается» это типичное употребление в отдельное

новое лексическое и аспектуальное значение. Так, *стучат в дверь* обычно для того, чтобы пришедшего услышали и открыли ему дверь; это приводит к формированию нового значения, содержащего идею «внутреннего» предела у *постучать в дверь*; при этом источником этого предела является, скорее, не цель этого действия, а его «схема», «сценарий». *Стук в дверь* является условным знаком (несколько легких или средних по силе, производимых в определенном темпе, костяшками пальцев ударов), и этот знак «исполняется», подобно песне или стихотворению, и предел действию кладется завершением этого «исполнения». Если человек изо всех сил колотит ладонью или ногой или головой в дверь, или непрерывно стучит в течение нескольких минут, то это не называется *постучал в дверь*. Аналогично: *Вижу, сидит не очень трезвый фотокорреспондент Жбанков. Я помахал ему рукой* (С. Довлатов. Компромисс) – исполнен знак, представляющий собой приветствие, а также средство привлечения внимания. Ср. обогащение значения целью / результатом действия: *Подул на (ушибленный) палец* (чтобы не болел) – 'начал дуть и дул до тех пор, пока палец не перестал болеть, по каковой причине действие было прекращено'.

Распространенной группой глаголов с приставкой *по-*, близкой к делимитативам, являются глаголы, направленные на достижение некоторого результата, представление о котором ассоциировано с данным действием, в значительной степени «срослось» с ним. Субъект начинает действие, потому что хочет достигнуть этого конкретного результата, но прекращает его не потому, что достиг этого результата, а по каким-то другим причинам: часто потому, что выполнена «программа» действия, исчерпаны внешние или внутренние возможности для его совершения и т. д. Такие глаголы не содержат информации о достижении результата. Например, *Я поговорил / поговорю с ним о вашем деле* – действие направлено на то, чтобы в ходе разговора добиться положительного решения вопроса; оно продолжалось или будет продолжаться до тех пор, пока не были / не будут исчерпаны некоторые прагматические «лимиты» разговора; информации о каком-либо результате или косвенном эффекте разговора в предложении не содержится; аналогично *похлопочу / похлопотал*; *Походил по городу, послушал, что люди говорят*; *Сначала артиллерия поработала по позициям врага* (столько времени, сколько было запланировано в плане наступления), *затем в атаку пошла пехота*, а также чрезвычайно распространившееся в последнее время в бюрократических кругах *порешать*: *Мы порешаем эту проблему* = 'Мы начнем решать (обсуждать, искать решение этой проблемы), будем это делать какое-то время и, может быть, найдем решение, а может быть, не найдем, и в любом случае прекратим обсуждение'. Поскольку здесь «пределы» действия обычно кладутся каким-то планом, программой, «стандартом» и т. п. действия, в этих глаголах отсутствует представление о сравнительной непродолжительности действия; действие продолжалось ровно столько, сколько запланировано, нужно для возможного достижения цели, в общем, в соответствии с теми или иными «стандартами» продолжительности этого действия.

Одним из распространенных видов «вливания» особенностей денотативной ситуации в значение ограничительных СВ является (частичное) «закрепление» в глаголе указания на то обстоятельство, что действие совершается субъектом для удовольствия. О «положительной заряженности» делимитативных глаголов, в частности их императивных форм и форм будущего времени, пишет Й. Крекич: «Делимитативными формами простого будущего говорящий выражает свою установку на совершение действия ... в выполнении которого он находит удовольствие» [Крекич 1989: 150; цит. по Петрухина 2000: 189]. Как представляется, это связано с тем, что ограничительные глаголы обозначают действие, продолжающееся недолгое время, вместе с тем, что действие прекращается, не достигая предполагаемого этим действием результата (в случае целенаправленных действий) или какого-либо иного предела, предусмотренного «сценарием» или «программой» этого действия, при этом не из-за каких-то объективных препятствий, а по выбору деятеля. Для этого у него

должны же быть какие-то основания! Как говорилось выше, в каких-то случаях возможно помыслить множество причин для совершения действия. Однако по крайней мере одна причина, одно основание должно быть обязательно. И если из контекста и / или ситуации не видно каких-либо иных оснований, то остается одно: деятель делал это действие потому, что это доставляло ему удовольствие. Разумеется, такой мотив может быть только в случае таких действий, которые по своей природе таковы, что выполнение их может быть приятным. Очевидно таковы *поиграл, погулял, почитал, поболтал / поговорил с приятелем, послушал музыку, попутешествовал, попил пива, покурил, покатался на карусели, пофлиртовал, посмотрел телевизор, поплавал, помечтал* и др. Указание на непродолжительность действия релевантно потому, что одно и то же действие может доставлять удовольствие, если оно продолжается недолго, но становится тягостным и просто надоедать в случае длительного совершения. Это особенно очевидно в случае нейтральных в отношении удовольствия действий. Чем дольше длится действие, тем больше сил и энергии тратит деятель, тем больше он устает и тем неприятнее и тягостнее оно для него становится. Ср: *проработал всю ночь* (вряд ли это было приятно) и *поработал часок на огороде* – явно и (или исключительно) для удовольствия²¹. Отсюда другая причина прекращения действия (и, соответственно, другой «прагматический» вариант ограничительных СВ): действие направлено на достижение какой-то цели (перевести статью, выучить французский язык, вспахать участок земли и т. д.), после чего должно прекратиться, однако оно прекращается по выбору субъекта после совершения некоторой неконкретизированной «порции» действия без достижения этого результата, потому что субъект начал испытывать «неудовольствие» от его совершения (устал, ему надоело это делать и т. п.): *попереводил, позанимался французским; Сидят папаша. Каждый хитр. Землю попашет, напишет стихи* (Маяковский); *порисовал годик* (узуально) *и бросил; Поматросил и бросил* и т. п. Однако если действие таково, что трудно представить, что оно может приносить удовольствие (и затем, при «передозировке», начинать приносить неудобство), и никакой другой разумной цели его совершения также усмотреть не удастся, то экспериментальный пример становится странным: *После обеда Игорь немного позаполнял анкеты / повыдавал книги*; (примеры Х. Мелига); **Перед ужином она покричала на ребенка; ?Она немного поубиралась в комнате* и т. д. Подчеркнем, что действия как таковые здесь имеют ясную цель. Непонятно, почему «немного», почему они произвольно прекращаются?

Заметим, впрочем, что «совершение действия для удовольствия» не дотягивает до того, чтобы быть отдельным, самостоятельным аспектуально-семантическим типом, это всего лишь некоторое семантико-прагматическое «сгущение», «пучок» типичных употреблений, поскольку эта интерпретация всегда является вероятностной (возможна и другая интерпретация причин начала и окончания действия) и очень часто не единственной, т. е. есть и другие причины, основания для совершения и прекращения действия. Так, *играют* – обычно для удовольствия, но отец может поиграть с ребенком для его, а не своего удовольствия; можно также *поиграть* не только для удовольствия, а главным образом для того, чтобы провести время (*Ведь мы играем не для денег, а лишь бы вечность проводить!* (Пушкин)), и это никак не подрывает правомерность употребления *поиграл*. Аналогично: *Пойдите погуляйте, пока мы подготовим документы!*

3.4. Неабсолютивные СВ. В описанных выше случаях «трехзвенные» глаголы СВ обозначали целостные, т. е. начавшиеся и закончившиеся («достигшие предела») или такие, которые закончатся в будущем, принеся с собой какое-то изменение Q в мир, действия. Однако в ряде употреблений глаголы СВ, подобно глаголам *повыситься* и т. п., не обозна-

²¹ Заметим, что наличие показателя времени в этом примере не делает действие определенным с точки зрения его продолжительности; *часок* – это как раз приблизительная мера, «примерно час, около часа».

чают окончание действия, оставляют этот вопрос открытым. В этом случае их значение можно изобразить таким образом: 'не $P \rightarrow P \rightarrow Q$ [P / не P ']'. Изменение в мире, которое происходит в результате этих действий, должно быть в этом случае обязательно зафиксировано обстоятельством меры или количества: *Петя съел пол-яблока / три яблока* (может быть, продолжает есть, а может быть, нет) / *выпил полстакана воды / наполовину открыл дверь / покрасил 20 кв. м. забора / написал треть статьи / отслужил половину срока* (в армии) / *спел половину песни* и т. д., и т. п.

3.5. Длительно-ограничительные глаголы. Во всех этих случаях возможны и более частотны, так сказать, абсолютивные употребления, в которых глагол обозначает целостное действие, достигшее не просто какого-то «предела», но окончания действия (по крайней мере, как направленного на данный объект): *съел (всю) кашу, спел песню, открыл дверь* и т. д.²² Однако есть особый тип СВ, который специализирован на выражении такого «нецелостного» значения. Это так называемые длительно-ограничительные (пердуративные) глаголы (с приставкой *про-*): *просидеть / проболеть / проплакать / пролежать / проболтать* и т. д. *2 часа / всю зиму / неделю* и т. д. Так, предложение *Петя проспал 2 часа / проработал всю ночь* не информирует о том, продолжает ли он спать / работать по истечении этого времени; тот, кто проболел всю зиму, может продолжать болеть и весной. Специфика этих предложений (поскольку здесь обязательно указание на время [см. Кронгауз 1998: 162], это значение не только глагола) в том, что действие здесь никогда не может закончиться, никогда не может достигнуть «предела», поскольку они говорят о чистом течении времени, которое не имеет предела. Предел имеет все, что разворачивается во времени, но не само время. Наиболее чистый, делексикализированный глагол этого типа – *пройти*, простейшее, элементарное высказывание этого вида – *Прошло время* (как *Температура повысилась*): ' $t_1 - t_2$ ' (t – момент времени). Более сложную семантическую структуру имеют предложения типа: *Прошло три часа*, схематически: ' $t_1 - t_2$, и t_2 позже t_1 на 3 часа' (от t_1 до t_2 3 часа). Наконец, лексикализованные глаголы этого типа добавляют к указанному выше значению указание на то, какое действие делал субъект в течение этого времени: *Петя проспал 3 часа*» *Прошло 3 часа, и все это время Петя спал*. То же значение может быть выражено с помощью делексикализованного глагола деятельности *провести* (НСВ *проводить*): *Петя провел 3 часа, читая / за чтением* и т. п. Неопределенно-длительные НСВ пары здесь имеют только наиболее общие по семантике глаголы: *Время идет – прошло*; *Он провел время за игрой в карты – Он проводит время за игрой в карты*.

Любопытно, что глаголы с приставкой *по-* без показателя продолжительности действия являются делимитативными глаголами и обозначают действие начавшееся и закончившееся. Но как только при них появляется какой-то показатель конкретной длительности (то есть не *минутку, часок, пару часов, пару дней, денька два, дней десять* и др. показатели приблизительной длительности, а *2 часа, 10 дней* и т. д.), они сразу переходят фактически в разряд длительно-ограничительных глаголов и уже не информируют о законченности действия: *поспал 2 часа* – может быть, продолжает и дальше спать, » *проспал 2 часа*. По крайней мере денотативно они друг от друга уже не отличаются; брезжат лишь различия в коннотациях: *поспал 2 часа* – 'и это немного, всего 2 часа', *проспал 2 часа* – 'порядочный срок, целых два часа!'. Другой вариант ограничения значения ограничительных СВ внешним временным пределом, сопровождающегося утратой предела внутреннего – это фиксация некоторого «ориентира», некоторого момента на временной оси, образованного началом состояния, возникшего как результат действия, выраженного ограничительным глаголом: *Посидит денька два без еды – смирная станет* = 'начнет и будет сидеть без еды около двух дней вплоть

²² Тот, кто съел кашу, может приняться за что-то другое, однако действие «съедания каши» при этом завершено; мы не можем сказать: **съел кашу и продолжает ее есть*.

до того момента, пока она в результате этого не станет смирной (будет ли она и дальше сидеть без еды – неизвестно)'. «Снятие» внутреннего предела во всех этих случаях (т. е. и в *выпил полстакана воды, написал треть статьи, наполовину открыл дверь* и т. д.) очевидно обусловлено тем, что «предел» (с одной стороны, в данном случае – со стороны конца) может быть, по самому определению этого слова, только один; если у действия оказывается вдруг два «предела», то один из них не предел. В борьбе различных «пределов» за вхождение в интерпретацию побеждает, естественно, тот, который выражен эксплицитно, т. е. внешним лексическим показателем. Ср. также: *докурил* – больше не курит (актуально) и *доигрался, допелся, докурился* и т. д.: включение в семантику указания на возникновение в результате действия некоторого отрицательного (для субъекта) последствия «стирает» информацию о завершении действия: *докурился* – 'курил (узualmente), и в результате этого возникло некоторое плохое для субъекта последствие' – продолжает ли субъект дальше курить – неизвестно; возможно, что продолжает.

Глава 3

Коммуникативные (коммуникативно-семантические) типы СВ

1. Вводные замечания. Выше были обзорно рассмотрены различные типы СВ (и в связи с ними некоторые типы НСВ) в соответствии с собственно семантическим, денотативным аспектом различий в характере обозначаемого действия / события. В то же время глаголы СВ (как и НСВ) различаются с точки зрения их функций (характера употребления) в тексте (в дискурсе). Хотя это первично различия в употреблении (коммуникативной функции и референции), они могут быть связаны с семантическими различиями, возможность того или иного употребления обуславливается семантикой соответствующих глаголов, с одной стороны, а с другой – особенности употребления могут влечь за собой, обуславливать изменения в семантике (о взаимосвязи функции и значения см. [Арутюнова 1976]), что влечет за собой появление уже коммуникативно-семантических типов глаголов.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих типов, кратко остановимся на базовых теоретических положениях и терминах, которые будут использоваться при дальнейшем анализе. Семантическая структура высказывания, взятого в отвлечении от его иллокутивной функции, состоит, используя идеи и терминологию Ш. Балли [1955], из двух частей: описание объективной ситуации – диктум, и компонент 'имеет место', соотносящий диктум с действительностью, – модус. В коммуникативный фокус могут попадать различные компоненты этой структуры, давая различные коммуникативные типы высказываний (см. классификацию вопросов в [Балли 1955: 47–48; Шатуновский 2001б; 2005] и классификации высказываний П. Адамца [Адамец 1966: 26–29; Adamec 1973] и Х. Мелига [Mehlig 1991]).

Разграничение первых двух типов СВ, о которых мы будем говорить, впервые было проведено в работе А. Вежбицкой [Wierzbicka 1967] и затем независимо от нее И. М. Кобозевой [1980]²³. Как пишет А. Вежбицка, славянский вид имеет 2 различные функции. Первую из этих функций Вежбицка называет «точечной» (punctual). Глагол СВ в этой функции соотносится с некоторым моментом референции (point of reference), и компонент 'начало', наличие которого Вежбицка рассматривает в качестве инвариантного признака СВ, следует непосредственно за этим моментом. Другое употребление СВ имеет место в предложениях типа *Ян покорил Эверест*, где время события не соотносится с каким-либо конкретным моментом референции. В этом предложении имплицитно содержится квантор существования: 'существовал такой момент, когда Ян покорил Эверест' [Wierzbicka 1967: 2247]. Аналогичные употребления выделяются в работе И. М. Кобозевой [1980], различающей два видовых контекста употребления СВ, обозначающего мгновенное действие: (1) действие происходит в единичный, индивидуальный, конкретный момент времени (*Она заглянула в тумбочку – ... всё было на месте*); (2) действие происходит в некоторый момент из множества моментов, введенных в рассмотрение (*Во время одной из ссор он ударил меня*) [с. 97–98].

Это разграничение, однако, не привилось в русской аспектологии, в которой 2 описанных выше значения традиционно рассматриваются как единое значение под названием *конкретно-фактическое* значение СВ. Однако различие это слишком важно, чтобы его игнорировать. Мы будем называть первое значение (тип употребления) СВ *конкретно-событийным* (или просто *событийным* значением), термин *конкретно-фактическое* мы зарезервируем за «не-точечным» значением, несмотря на те неудобства, которые представляет его возможное

²³ Эти разновидности также отмечены в [Бондарко 1971] как «типы сочетаемости» глаголов СВ в «аористическом значении» [с. 100–101].

смешение с традиционным, широким употреблением этого термина: уж очень хороша его внутренняя форма, отражающая существо этого значения и очень точно соотносящая и в то же время противопоставляющая его сходному с ним (конкурирующему) и в то же время отличающемуся от него обобщенно-фактическому (общефактическому) значению НСВ.

2. Конкретно-событийное (событийное) значение. СВ в этом значении обозначает конкретное единичное (индивидуальное) «событие», привязанное к какому-то «пункту» пространства–времени и поэтому определенное. В коммуникативном фокусе при таком употреблении само событие в целом, = соединение всех ситуаций, образующих это событие.

Это важнейшее и наиболее специфичное значение СВ. Именно в этом значении / употреблении СВ является определенным (что часто рассматривается как определяющий, инвариантный признак СВ, см. [Leinonen 1982: 173–175; Dickey 2000: 19–23; 2006: 15; Падучева 1996: 87; и др.]), и именно в этом значении цепочка СВ способна обозначать последовательность событий [см., напр., Рассудова 1968: 34–35; Бондарко 1971: 15; Forsyth 1970: 10], выражает «секвентную связь» в тексте [Барентсен 1995] – признак, который иногда кладется в основу определения инварианта СВ [Барентсен 1995]. «Последовательность таких глаголов, иногда соединенных союзом 'и' (and), обозначает последовательность моментальных событий, следующих непосредственно одно после другого: *Я вошел в комнату, снял шляпу, повесил ее на гвоздь, сел в кресло и закурил папиросу*» [Wierzbicka 1967: 2246]²⁴ – не только, впрочем, моментальных, а любой протяженности. При этом очевидно, что эти два свойства СВ связаны друг с другом: если события не занимают определенного положения на временной линии, не соотнесены с какими-то пунктами / интервалами на этой линии, то невозможно говорить ни о последовательности, ни об одновременности.

Остановимся подробнее на определенности событийного СВ. Определенность СВ рассматривается как временная (темпоральная) определенность предиката, занимающего определенный пункт во времени [Leinonen 1982; Dickey 2000: 22–23]. Однако временной определенности недостаточно, чтобы сделать событие определенным. События происходят не только во времени, но и в пространстве, и в одно и то же время в разных точках пространства могут происходить разные события с разными объектами. Так, если Иван услышал выстрел и Петр услышал (этот же) выстрел, то хотя время одно, но события разные, поскольку произошли в разных пространственных фрагментах: одно произошло с Иваном, другое – с Петром. Общий принцип индивидуации событий тот же, что и для материальных объектов, которым, по словам Локка, является «само существование, определяющее предмету любого вида его время и место, которые не могут быть общими у двух предметов одного и того же рода» [Локк 1985, т. 1: 381–382]. То же относится и к событиям: индивидуальное событие занимает определенный «пункт», «участок» пространства («пространство» здесь может пониматься расширительно: не только как физическое пространство, но и «пространство» души, мысли, восприятия и т. п.) и времени [см. Храковский 1989: 16–17]), и другое событие (того же рода) не может поместиться в том же пункте; другое событие будет привязано к другому месту и / или другому времени²⁵. При этом надо отличать от различных событий различные описания (интерпретации) одного и того же объективного события: *Российский боксер Александр Поветкин одержал победу над американцем Таурусом Сайксом и завоевал право встретиться с чемпионом по версиям IBF и WBO в супертяжелом весе украинцем Владимиром Кличко = победил и тем самым завоевал...; Петя посидел, отдохнул и пошел дальше = посидел и тем самым, в ходе этого отдохнул*. Поскольку объективное событие одно, то не может идти и речи о последовательности или одновременности. Ср.: «Соотно-

²⁴ Здесь и далее польские примеры в тексте приводятся в переводе на русский язык.

²⁵ Для упрощения картины мы здесь рассматриваем только первичные, базовые события, происходящие с первичными индивидуальными объектами, оставляя в стороне события с коллективными, обобщенными и распределенными в пространстве участниками, как, например: *22 июня 1941 года Германия начала войну против СССР*.

симым во времени разным «глагольным действиям» ... могут соответствовать ... разные аспекты одного и того же внеязыкового «динамического референта» [Теория 1987: 236].

Событие может локализоваться в пространстве посредством эксплицитных показателей места: *Вчера в баре на улице Вавилова, 18, произошла драка; Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие* (Гоголь. Нос). Однако это не обязательно. Обычно событие привязывается к определенным пунктам, «участкам» пространства через объекты, участвующие в этом событии, поскольку, как было сказано выше, эти объекты (этот объект) занимают определенное положение в пространстве, которое не может быть одновременно заполнено другими объектами: *Сегодня президент России Дмитрий Медведев встретился с премьер-министром В. В. Путиным*.

Локализация в определенном пункте / интервале времени также может производиться посредством эксплицитных показателей времени (в *14 часов 15 минут 23 сентября 1949 года*), часто дейктического характера и опирающихся как на исходную точку отсчета на момент речи: *вчера, сегодня, завтра* и т. д.: *Ты готов? – Сейчас оденусь!* Однако событие может также получать определенное положение во времени благодаря тому, что оно связано в речевой цепи событий с другими событиями, уже являющимися определенными, отношениями одновременности, последовательности, иногда (реже) предшествования. Эта цепь нуждается только в том, чтобы быть прикрепленной своим начальным звеном к какому-то определенному моменту или периоду времени; каждое последующее звено делает определенным его связанность с предшествующим (или одновременным) определенным звеном. ... *Буфетчик промолвил: – Покорнейше благодарю, – и опустил на скамеечку. Задняя ее ножка тотчас с треском подломилась, и буфетчик, охнув, преобольно ударился задом об пол. Падая, он поддел ногой другую скамеечку... и с нее опрокинул себе на брюки полную чашу красного вина...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Отдельный вопрос – что делает определенным первое звено в этой цепи, за которое и держится вся цепь, откуда черпают определенность опосредованно все последующие звенья. Существуют различные способы конструирования и интродукции исходного звена, введения его в мир, соединения с временем и местом. См., например, интродукцию исходного события в романе «Мастер и Маргарита»: *Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина*, с какового и началась цепь московских событий в «пространстве» данного романа, ср. другой тип интродукции в повести Гоголя «Нос»: *Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие. Цирюльник Иван Яковлевич ... проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба. ... Приподнявшись ...* и т. д. При этом первое звено может выражаться как СВ, так и НСВ: *Однажды весной в ясный апрельский день я сидел на скамейке в парке. Вдруг на аллее вдали появился...* – тоже нормальное начало! Первое звено может быть и статичным, но оно является тем неподвижным, но закрепленным в пространстве и времени звеном, на которое опираются все последующие события. (Подробнее об видах и способах интродукции см. [Арутюнова 1976: 357–366; 1998: 98–101; Шатуновский 2004а].)

Однако далеко не всегда ряд СВ в событийном значении обозначает реальную последовательность событий. Для этого должны выполняться определенные условия, связанные как с самим значением СВ, так и с особенностями того, что описывается. Прежде всего, эти глаголы должны относиться к одному и тому же «фрагменту действительности», не просто объекту, а именно фрагменту, притом рассматриваемому в одном и том же аспекте. Если действия выполняются / события происходят с разными субъектами, то последовательность их остается неизвестной: *Он понимающе кивнул головой. В тот же момент они слышали отчаянный крик брюнетки. ... Еще несколько пар остановились, наблюдая за скандалом, а от дальней стены отделилась темная тень и пошла к двери*. (Клаус Риффбьерг. Остров любви. М., 1984. Пер. с датского), где *остановились* и *отделилась* относятся к разным субъ-

ектам и не образуют последовательность, а *кивнул* и *услышали* относятся к разным аспектам субъектов: восприятию и физическому движению, и также не последовательны, а одновременны. Ср. также: *Вы слушаете? Алло!.. Безобразие! – вдруг завопил Иван и швырнул трубку в стену* (Мастер и Маргарита), где последовательность неизвестна, поскольку эти действия производятся разными «частями» Ивана и поэтому ничто не препятствует им быть одновременными; аналогично: *Он смутился, покраснел и выронил книгу из рук*, где *смутился* относится к ментальному аспекту субъекта, душе, *покраснел* – к лицу, а *выронил книгу* – из рук. Значение СВ взаимодействует с общим контекстом в соответствии с описанным выше общим принципом индивидуации событий по следующему правилу: если два события, каждое из которых занимает определенную, уникальную точку / интервал времени, относятся к одному и тому же пункту, фрагменту «пространства», эти события понимаются как разновременные, при этом порядок следования глаголов в тексте иконически отражает последовательность обозначаемых ими событий: *Сын на ножки поднялся, в дно головкой уперся, поднатужился немножко, «Как бы нам на двор окошко здесь проделать?» – молвил он, вышиб дно и вышел вон* (Пушкин. Сказка о царе Салтане..), где понимаются как последовательные события *поднялся*, затем *уперся*, затем *поднатужился*, затем *вышиб дно*, затем *вышел вон* – поскольку все они относятся к одному и тому же субъекту, понимаемому как единое целое; в то же время положение *молвил* по отношению к *поднатужился* и *вышиб* остается неопределенным, поскольку относится к другому аспекту субъекта (попросту, может выполняться им одновременно с другими действиями). (Тем не менее, оно явно после *уперся* и перед *вышел вон*; неясность касается только его отношений с событиями, обозначенными расположенными рядом глаголами.) Вообще, понимание событий как последовательных – это более «сильное», более информативное понимание; оно требует больших контекстуально-семантических условий; всегда, когда можно понять события как не последовательные, такое понимание не возникает: *Посидели, посмеялись, поговорили* (пример из [Бондарко 1971]) – где *посидели* и *поговорили* не последовательны, поскольку сидели и говорили разными «фрагментами» тела, а *посмеялись* и *поговорили* также не последовательны, поскольку обозначают фактически не единые, а прерывистые события, состоящие из отдельных повторяющихся актов, интервалов говорения и смеха, которые могут, таким образом, проникать друг в друга и тем самым совпадать.

Другое ограничение на выражение событийными СВ последовательности событий связано с характером значения СВ (обозначаемых ими событий). Изображающая движение мира цепочка СВ строится таким образом, что каждый последующий глагол берет в качестве своего исходного пункта этап, на который «продвинул» историю предшествующий глагол, и, опираясь на него, двигает историю дальше, таким образом, глаголы «сцепляются» общими ситуациями: 'не Р – Р', 'Р – Q', 'Q – R' и т. д. Так, выше царевич сначала поднялся, т. е. перешел из горизонтального или сидячего положения в вертикальное, затем, находясь в вертикальном положении, передвинулся таким образом, что голова пришла в контакт с дном бочки, затем, находясь в таком контакте, начал прикладывать силу к дну. и т. д. Если такое «сцепление» отсутствует, то глаголы не понимаются как выражающие последовательность. Это имеет место, например, в тех случаях, когда все глаголы начинательные, ср. [Бондарко 1971: 16]. После начинательного глагола должен идти, так сказать, «продолжательный» глагол; если дальше опять идет начинательный глагол, то он не может «сцепиться» с предшествующим начинательным глаголом и обозначает начало другого действия, и вся серия обозначает ряд неизвестно как расположенных во времени (по отношению друг к другу, но не к другим событиям!) событий: *Все зашумели, задвигались, заговорили; Тарантас по-вчерашнему запрыгал, завизжал, застучало неистово ведро, привязанное к задку* (Чехов. Печенег) (при-

меры из [Бондарко 1971])²⁶. То же относится и завершительным (финитивным) глаголам: после финитивного глагола, чтобы продолжить историю с тем же объектом, должен идти начинательный глагол; ряд финитивных глаголов обозначает серию неизвестно как расположенных по отношению друг к другу событий: *Настанет день – печальный, говорят! – Отцарствуют, оплачут, отгорят, – Остужены чужими пятаками, – Мои глаза, подвижные, как пламя* (М. Цветаева).

Во всех перечисленных выше случаях, когда последовательность СВ не указывает на последовательность событий (различие объектов / аспектов объектов, отсутствие внутреннего «сцепления»), последовательность, тем не менее, может быть выражена – с помощью эксплицитных показателей следования (таксисных показателей): *затем, потом, после этого, вслед за этим, сначала... затем ... наконец...* и т. д., а также формы деепричастия СВ, которая также является эксплицитным синтактико-морфологическим показателем следования (предшествования). В некоторых случаях наличие таких показателей обязательно, и их отсутствие делает текст бессвязным: *Он остановил свой взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александра солнце, затем перевел его вниз, где стекла начали предвечерне темнеть, чему-то снисходительно усмехнулся, прищурился, руки положил на набалдашник, а подбородок на руки* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Без *затем* аномально: *Он остановил свой взор на верхних этажах, *перевел его вниз...* Здесь опущен этап, вводимый сочетанием *остановил взгляд*: 'смотрел на них некоторое время и затем прекратил смотреть'²⁷; чтобы перескочить через этот пробел к последующему действию, необходимо *затем*. Вместо *затем* может быть использовано деепричастие, однако при этом нужно эксплицитировать пропущенное действие: *Он остановил свой взор на верхних этажах и, посмотрев на них некоторое время, перевел взгляд вниз...* Не в форме деепричастия эта последовательность также была бы аномальной, хотя и несколько лучше: *Он остановил свой взор на верхних этажах, посмотрел на них некоторое время, ?перевел взгляд вниз...*

3. Конкретно-фактическое значение СВ. Высказывания с СВ в конкретно-фактическом употреблении / значении (сокращенно КФ СВ) выносят в коммуникативный фокус модальный компонент 'имеет место', информируют о том, что 'данное единичное конкретное событие имело место (в мире или в его фрагменте)' (если диктальное событие уже известно) или, если событие неизвестно и также нуждается в описании, что 'имело место данное единичное конкретное (определенное) событие'²⁸. Как отмечает Дж. Форсайт, «reporting the fact that an action occurred is quite as much a function of the perfective verb as of the imperfective» [Forsyth 1970: 82] («Указание на факт, что имело место некоторое действие, является в той же мере функцией глаголов совершенного вида, как и несовершенного»). Однако, будучи единичным, это событие «извлечено» из цепи событий, отвлечено от того момента-периода («участка») времени, когда оно произошло или произойдет. Это событие было или будет, в какой момент – не конкретизировано, потому что это неважно или неизвестно (особенно часто для будущего времени). СВ в этом значении весьма близок к общеконкретно-фактическому значению (далее ОФ) НСВ; поэтому они во многих случаях взаимозаменяемы и конкурируют: *Куда билет запропастился? Я ведь **взял** / **брал** билет!*; *В поисках неизвестного человека, который отрекомендовался вам как знакомый Понтия Пилата, вы вчера **про-***

²⁶ В последнем примере, помимо прочего, *запрыгал, завизжал*, с одной стороны, и *застучал*, с другой, относятся к разным объектам; события понимаются как одновременные, поскольку все это звуки, вызванные началом движения тарантаса.

²⁷ *Затем* в толковании неизбежно: НСВ, не содержащий вообще никакого указания на границы, безальтернативно требует таких показателей для указания на переход к другому этапу, см. подробнее далее.

²⁸ Факт – это то, что имеет место; эта особенность слова *факт* мотивирует его употребление в составе термина *конкретно-фактическое*; ср. описание данного употребления А. В. Бондарко: «одиночная, относительно самостоятельная форма прошедшего совершенного, выражающая отдельный факт прошлого» [1971: 100].

извели следующие действия, – тут Стравинский стал загибать длинные пальцы, поглядывая то в лист, то на Ивана, – **повесили** на грудь иконку. Было? – Было, – хмуро согласился Иван. – **Сорвались** с забора, **повредили** лицо? Так? **Явились** в ресторан с зажженной свечой в руке, в одном белье и в ресторане **побили** кого-то. Привезли вас сюда связанным. Попадая сюда, вы **звонили** (ОФ НСВ, но возможно было употребить и КФ СВ **позвонили**. – И. Ш.) в милицию и **просили** (можно было бы **попросили**. – И. Ш.) прислать пулеметы. Затем **сделали попытку** выброситься из окна (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Поскольку в фокусе 'имеет место' и событие не привязано к определенному пункту пространства-времени, глаголы СВ в конкретно фактическом значении не указывают на последовательность событий. «Последовательность предложений в данном «не-точечном» значении образует чисто логическую конъюнкцию и не несет какой-либо информации об относительной хронологии событий» [Wierzbicka 1967: 2248]. Глаголы СВ в этом случае обозначают «набор фактов», взаимный порядок которых неизвестен и неважен. (Это не опровергается тем, что в некоторых случаях по самому характеру действий ясно, что сначала был один факт, а затем другой, или тем, что этот порядок устанавливается посредством показателей следования, как в примере выше.)

Например: *Женщины любят только мерзавцев, это всем известно. Однако быть мерзавцем не каждому дано. У меня был знакомый валютчик Акула. Избивал жену черенком лопаты. Подарил ей шампунь своей возлюбленной. Убил кота. Один раз в жизни **приготовил** ей бутерброд с сыром. Жена всю ночь рыдала от умиления и нежности. Консервы девять лет в Мордовию посылала. Ждала...* (С. Довлатов. Компромисс).

Не менее характерно это значение СВ и для будущего времени: *Труды мои будут вдохновенны. Над ними будет веять недоступное земле божество. Я **совершу**!* (Гоголь); *Соня. Мы **отдохнем**! ... Мы **отдохнем**! Мы **услышим** ангелов, мы **увидим** все небо в алмазах, мы **увидим**, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежной, сладкой, как ласка* (Чехов. Дядя Ваня). При этом в будущем времени область его употребления расширяется за счет тех контекстов, в которых в прошедшем времени употребляется ОФ НСВ: *Мы видели / *увидели все небо в алмазах – Мы *будем видеть / увидим все небо в алмазах; Я ее никогда не видел / *не увидел – Я ее никогда не увижу / *не буду видеть.*

Возможность употребления в КФ значении связана с семантическими особенностями глаголов. Конкретно-фактическое значение могут иметь не все глаголы СВ, а только такие, которые обозначают целостное действие (событие), т. е. включают в свое значение указание на этап, когда действия и т. п. не было, и на этап, когда его снова нет. Поэтому не могут иметь конкретно-фактического значения (т. е. употребляться изолированно, вне цепи событий) начинательные и завершительные глаголы, такие как *увидеть* (*Я увидел Вознесенского* = '... и продолжаю видеть...', *полюбить* (тот, кто полюбил, продолжает любить, и конец в самом глаголе никак не указан); аналогично: *разлюбить* (где нет указания на начало состояния любви, глагол начинается с этапа, когда любовь уже имеет место), *закричать*, *запеть*, *докурить*, *докуриться* и масса других, см. выше типы СВ). Ср. также: *Дремлет взрытая дорога. Ей сегодня **примечталось**, что совсем-совсем немного ждать зимы седой осталось. Ах, и сам я в чаще звонкой **увидал** вчера в тумане: рыжий месяц жеребенком запрягался в наши сани* (С. Есенин). *Примечталось* – целостное, законченное действие, *увидал* (= общефактическому НСВ *видел*), в отличие от *увидел*, специализировано на выражении целостного, законченного акта восприятия и соответственно выражении конкретно-фактического, а не событийного значения.

В то же время в контексте данного коммуникативного употребления не-целостные глаголы могут переосмысляться как целостные, особенно в будущем времени, где часто возникает настоятельная коммуникативная нужда в употреблении СВ, поскольку употребление

НСВ по тем или иным причинам невозможно. Так, в *Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах.* (Чехов. Дядя Ваня) КФ *услышим* и *увидим* понимаются как 'не Р – Р – не Р'.

4. Экспликативное (таксономическое) употребление СВ. Коммуникативный тип экспликативных вопросов и высказываний в целом в эксплицитном виде выделен и описан в работах Х. Мелига, которому принадлежит и сам термин [Mehlig 1991]. Коммуникативная специфика данных высказываний состоит в том, что в этом случае уже известно, что нечто имеет / имело / будет иметь место; сообщается или спрашивается о том, что именно имеет и т. д. место. Иными словами, в коммуникативном фокусе описание ситуации, модальный компонент 'имеет место' относится к данному. Данное коммуникативное употребление в меньшей степени связано с особенностями значения СВ; оно также возможно и для НСВ.

Экспликативное употребление СВ является вторичным, производным от конкретно-фактического значения. В этом случае известно, что данное событие имело место (КФ СВ, от которого отталкивается экспликативное употребление), однако неизвестно, какое именно событие это было (диктум). Такие вопросы отвечают на эксплицитный или имплицитный (его можно подставить) общий диктальный вопрос (по Балли): *Что произошло/случилось? Что сделалХ?* и т. д. *Что произошло? – Собака укусила мальчика; Что он сделал? – Украл 2 миллиона* и т. п., см. [Mehlig 1991]. Если описывается множество событий, то они образуют такой же неупорядоченный во времени ряд, как ряд КФ СВ: [Что она вчера сделала?] *Вчера она постирала, погладила, поубирала в квартире.* Заметим, что в контексте, подобном последнему, могут употребляться не только ограничительные глаголы, как в примере выше, но также и другие типы СВ: *Вчера она выстирала белье, зашила дырку в носке, починила уют.*

Как разновидность данного употребления можно рассматривать употребление СВ, которое мы будем, используя термин М. Я. Гловинской (говорящей об интерпретационном значении НСВ [Гловинская 2001, с. 193]), называть интерпретационным употреблением СВ. Аналогичное употребление применительно к конструкциям с деепричастиями отмечено А. В. Бондарко: «Отношения характеристики, нередко выступающие в русском языке в конструкциях с деепричастиями, существенно модифицируют временные связи между основной и второстепенной предикацией» [Теория 1987: 235]: *Катя совершила ошибку, уехав из города* [там же, с. 236]. Если в случае собственно экспликативного употребления вообще неизвестно, что произошло, было сделано и т. п., и только известно, что что-то произошло / было сделано, то здесь известно, что имело место такое-то конкретное событие, которое говорящий интерпретирует как некоторое другое событие. Первое, известное событие является в этом случае субъектом макросуждения, второе, интерпретирующее – своего рода предикатом (это как в области имен: *Ваш друг – дурак / герой / автор этой статьи* и т. п.). Предикатное суждение в этом случае имеет, как это свойственно и предикатам в области имен [Арутюнова 1976: 330–343; 1980: 167–170; 1998: 35–40], более абстрактный, часто оценочный характер. Так, следующее высказывание [Редактор автору:] *Вы допустили грубую идеологическую ошибку* (С. Довлатов. Компромисс) может быть понято как конкретно-фактическое, если сообщение о том, что это событие имело место, делается в данном дискурсе впервые, если этот факт вводится в текст данным предложением (именно такова ситуация в рассказе). Но если денотативное событие уже известно, и данное высказывание относит какое-то уже известное конкретное событие к некоторому другому, более абстрактному типу событий, то это интерпретационное (квалифицирующее) употребление. Например, если бы уже было известно, что Довлатов в статье перечислил страны не в надлежащем порядке (социалистические, нейтральные, страны НАТО), и редактор относит это к классу 'грубых идеологических ошибок', интерпретирует это как 'грубую идеологическую ошибку', то это интерпретационное употребление: = 'Это грубая идеологическая ошибка'. Дополнительное

усложнение возникает, если между этими различными квалификациями события устанавливается какая-то обусловленность: *Поветкин победил Сайкса и тем самым завоевал право на встречу с чемпионом мира.*

Характерно, что такие квалифицирующие описания обычно не могут употребляться в событийном значении: они характеризуют, квалифицируют, интерпретируют событие, но плохо приспособлены к тому, чтобы непосредственно описывать реальность, идентифицировать событие (то же для предикатных существительных: *Вы – прелесть / идиот / гений!* и **Прелесть вошла в комнату; ?Идиот / гений выпил рюмку* и т. д.) [Wierzbicka 1970: 644; Арутюнова 1976: 344–350]. Поэтому плохо: *Он пришел на работу, сел за стол, начал писать статью, допустил грубую идеологическую ошибку и, не закончив статьи, закурил.*

Вариантом экспликативного употребления является также «опровергающее» употребление (при частичном диктальном отрицании), когда то, что имело место, было охарактеризовано, идентифицировано (по мнению говорящего) неправильно: *Я не пришел, я приехал – 'То, что я сделал, было не пришел, а приехал'.*

Характеристика события или статического положения вещей может быть «встроена» в значение глагола: *Ивану посчастливилось родиться / жить в Москве* = 'Случилось так, что Иван родился / живет в Москве, и это счастье'; *Ивану повезло: он выиграл в лотерею миллион.*

Дальнейшая коммуникативно-синтаксическая деривация связана со случаями, когда факт частично известен. Например, адресат знает, что было совершено убийство Кеннеди, но не знает, кто был субъектом этого действия. На этой базе возникают *Кто убил Кеннеди?* и *Кеннеди убил Освальд = Тот, кто убил Кеннеди, – Освальд.*

5. Перфектное значение. В отличие от событийного значения, в случае перфектного употребления в фокусе часть события, а именно результирующее состояние, конечное Р ('имеет место конечное, итоговое Р'). Это значение (тип употребления) глагол может иметь наряду с другими коммуникативными употреблениями (значениями): *После работы я **пришел** домой.* (возможно продолжение): *. умылся, поужинал и сел смотреть телевизор* и *Петя **пришел** = 'Петя здесь',* в фокусе только конечная ситуация; *Она на мгновение **замерла** и затем тихо-тихо прошептала...* (событийное значение) и *Станция в ужасе **замерла*** (М. Булгаков. Белая гвардия) – перфектное значение. В то же время некоторые глаголы специализированы на выражении перфектного значения, понимаются исключительно или преимущественно в перфектном значении, например *загорел, похудел, посвежел, растолстел, устал, понаехали, поналетели: По-налетели к нам, суки позорные ...* (В. Пелевин. Жизнь насекомых), *установился, выпялился, витаращился* и т. п.: *Ну, что **установилась?** Штукатура никогда не видала?* (из анекдота).

Поскольку в фокусе конечная С, все приглагольные обстоятельства и характеристики относятся именно к ней: *Восемь часов, а едва засерело, – вздохнул офицер...* (Б. Акунин. Статский советник); *Он сильно растолстел; Окно было чуть-чуть приоткрыто; Я немного устал; Как ты похудел!* и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.